

Софи Тид

Храмы
НОЧЬЮ
закрываются

Книга 1. И весь мир
тебе должен

Софи Гид

**Храмы ночью закрыты. Книга
1. И весь мир тебе должен**

«Издательские решения»

2015

Гид С.

Храмы ночью закрыты. Книга 1. И весь мир тебе должен /
С. Гид — «Издательские решения», 2015

Автор остросюжетного романа в первой книге знакомит с героями — обычными людьми, гражданами разных стран, в период истории с 60-х годов прошлого века: сюжетные переплетения судеб сталкивают между собой полицейских, политиков, преступников, обывателей. Развитие сюжетной линии вокруг каждого из главных героев можно было бы считать отдельной «новеллой», однако каждая из них имеет продолжение и переплетение с чужой судьбой.

© Гид С., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

09 ч. 28 мин. 07.07.1963 г.	6
00 ч. 10 мин. 08.11.1964 г.	11
11 ч. 06 мин. 06.08.1971 г.	12
12 ч. 39 мин. 17.07.1974 г.	16
20 ч. 00 мин. 06.08.1977 г.	18
10 ч. 02 мин. 24.07.1978 г.	24
08 ч. 01 мин. 31.07.1978 г.	27
09 ч. 28мин. 22.10.1979 г.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Храмы ночью закрыты

Книга 1. И весь мир тебе должен

Софи Гид

© Софи Гид, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Это вместо пролога и эпилога...

Для прочитавших или собирающихся это сделать – автобиографичности и совпадения с реальными событиями здесь нет ни на йоту, все пришедшее Вам в голову по степени совпадения, сходства, намёку на них – Ваша собственная прихоть. С уважением к Вам и Вашему мнению об этом мире,

Автор.

09 ч. 28 мин. 07.07.1963 г.

Шёл пятый год Пятой же французской республики. Восемнадцатый президент, считавший, что «... смысл жизни состоит в том, чтобы свершить во имя Франции выдающийся подвиг, и что наступит день, когда мне представится такая возможность», исполнял эти подвиги для своей страны и сегодня с таким же мистическим чувством долга, как и в начале своей воинской карьеры в годы первой мировой войны.

Шарль Андре Жозеф Мари де Голль, будущий президент Французской республики, ровно 47 лет назад в этот день в лагере для непримиримых беглецов первой мировой войны в Ингольштадте впервые столкнулся с русским, с которым завязал близкое знакомство – младшим офицером 7-ой роты 2-го батальона лейб-гвардии Семёновского 1-ой гвардейской дивизии на Западном фронте Михаилом Николаевичем Тухачевским, будущим маршалом Советской России. Оба до этого дня предпринимали уже по четыре безуспешных попытки бегства из немецкого плена.

Шарль де Голль как-то высказал следующую мысль: «В политике приходится предавать свою страну или своих избирателей. Я предпочитаю второе». Михаил Тухачевский мог бы ответить не менее знаменательной мыслью о политике, но не успел по двум причинам: он был младше своего французского знакомого на три года; он был расстрелян до того, как успел стать политиком. А потому его мнения о политике нам не узнать. Но один вывод уже можно сделать точно и наверняка, чуть урезав заявление де Голя: «В политике приходится предавать!», а вот что или кого предавать – это уже в зависимости от личности каждого политика и от ситуации, когда эта фраза должна быть применена. Не забыть бы при этом, что политика бывает: добрососедства, двойных стандартов, вафельницы, ограничения рождаемости, зонтика, языковая, Андорры, Японии, фирмы, городская, домашняя, и т. д. и т. п... И самая главная разновидность – политика отдельной личности. Вот последняя – она и есть самая важная и основная, даже если сама личность считает, что к политике не имеет никакого отношения! И даже то, что вы читаете или прекратили читать этот текст именно с этого предложения – это тоже политика. Она как воздух – вокруг вас. А раз она везде и повсюду – на неё можно не обращать внимание. Сама даст о себе знать.

Прошло почти четыре месяца со дня, когда был приведён в исполнение последний смертный приговор из вынесенных военным судом – в отношении покушавшегося на де Голя офицера Бастьена-Тири¹. Одним из доводов отказа в помиловании, к которому сначала склонялся президент, было вовлечение Бастьеном-Тири в заговор троих венгров, которым он заплатил за участие в убийстве главы государства. Кто из услышавших по бывшим тогда в обиходе транзисторным радиоприёмникам по радиостанции «Европа 1» сообщение о казни офицера мог тогда предположить, что двадцать третьим президентом Французской республики станет сын выходца из Венгрии?

И вот сегодня в Монпелье, расположенном в долине живописной реки Лез, вдоль аллеи бежит будущий отец. Сворачивает по улице, оглядываясь на голубые эмалевые таблички с названиями и номерами домов. Пробегает дальше вдоль застеклённой террасы какого-то бара мимо еле угадываемых силуэтов посетителей и выскакивает на пустынный узкий тротуар одной из центральных улочек старой части города, вымощенной булыжником. Здесь и проезжая часть настолько зажата фасадами домов, что даже при отсутствии запрещающего знака ни один здравомыслящий водитель, даже если он сидит за рулём ультрамалолитражной машинки,

---

¹ Жан-Мари Бастьен-Тири – французский военный инженер, специалист по авиационному вооружению, подполковник ВВС Франции, который 22.08.1962 года с группой единомышленников совершил неудачное покушение на президента Французской республики генерала де Голя. Был осуждён и расстрелян.

не осмелится даже попробовать втиснуться в такую тесную дорогу. Можете себе представить – вы открываете из дома входную дверь на улицу и царапаете при этом по всей длине лимузин: от переднего крыла до заднего. По этой же причине и пешеходы предпочитали ломать ноги по булыжнику, чем иметь весьма определённые перспективы получить шишку на лбу или разбитый нос, передвигаясь по гладкому тротуару шириной в несколько ладоней.

После столь тяжёлого забега Нестор Пуатье уже несколько часов ожидал в коридоре больницы рождение новой жизни. Лицо его выражало страдание.

– Это всегда длится так долго, мадам?

Старая медсестра оторвалась от заполнения каких-то карточек, лежавших перед ней на столе, поправила степенно очки. Её белый халат сливался с такого же цвета стеной больницы, а седые волосы, гладко зачёсанные назад, отдавали небольшой желтизной. Казалось, что она являлась во всем здании таким эталоном безмятежного спокойствия. Медсестра посмотрела на него с укоризной:

– А вы припомните, как долго мучилась ваша мать. Особенно, если вы у неё были первенцем. Не торопите промысел божий, возьмите лучше газету рядом с вами – господин, который её читал, уже получил своё дитя и жену, так что раньше чем через девять месяцев за ней не вернётся.

– Спасибо. Я выйду пока покурить.

Это была уже восьмая сигарета за три часа.

– Господи, как же ты всё-таки долго, – он решил немного поукорять всевышнего за его неторопливость. Когда огонь от сигареты уже стал жечь ему пальцы, он зашёл вновь внутрь здания и развернул ожидавшую его газету. Нет, читать было невозможно, буквы разбегались в разные стороны и не складывались в слова. Он стал вновь нервно прохаживаться по коридору, неловко прикасаясь рукой к стене в том месте, за которой рождался новый человек. Минут через десять медсестра не выдержала:

– Сядьте вы, наконец, у меня уже от вас голова кружится.

– Поймите же и вы меня, мадам! Это мой первый ребёнок, говорят – будет сын...

– Конечно, если у мужчины рождается сын, он полагает, что вокруг него разыгрывается бравадная оптимистическая пьеса, если дочь – это так себе, мелодрама. К счастью, ничего подобного на самом деле в жизни не происходит, потому что вне зависимости от пола родившегося ребёнка мы переживаем обычную человеческую трагикомедию.

Она засмеялась сама своему медицинско-литературному сравнению, сотрясая каждый пласт своего мощного тела, и услышавшая её санитарка, проходившая мимо них в родильное отделение с чистыми полотенцами в руках, последовала её примеру. Медсестра с понимающим видом покачала головой.

– Ничего, не вы первый. Ведь все идёт нормально.

– А если придётся накладывать щипцы, это очень опасно для ребёнка?

В голосе его слышалась тревога. Подобно всем мужчинам, он склонен был излишне драматизировать ситуацию.

– Доктор ничего об этом не говорила. А если и придётся, так ничего страшного. Разве что останется небольшой след. У вашей супруги другие проблемы. Так что не мучайте себя.

Роды были долгими и мучительными. Весь период беременности роженица опасалась, что ребёнок унаследует её слабое сердце или вообще умрёт при родах. Вот оно её последние усилия тела, его первый крик! Личности, которой дали жизнь, и она впервые получила возможность провозгласить об этом на весь мир: в пределах больничной палаты, по крайней мере.

Когда врачи сказали, что новорождённый во всех отношениях нормальный и здоровый ребёнок, она этому сразу даже не верила.

– Господи, охрани его от болезни и невзгод! Это наш первенец, Эмилия. Как мы назовём маленького мсье Пуатье? – спросил свою жену Нестор Пуатье, взяв крикливый комочек на руки

и отвернув уголок пелёнок, чтобы рассмотреть сына. Он впервые стал отцом, и его переполняло пока не чувство любви к своему чаду (мужчины к этому идут долго), а гордость за самого себя – он продолжил род человеческий.

– Ты ничего не имеешь против имени «Поль»?

– Нет, пусть будет Поль Пуатье, почему бы и нет? Так мы не обидим ни моего отца, ни твоего – они, верно, оба ждут, что мы выберем для внука их имена.

До женитьбы Нестор Пуатье вместе с родителями жил в маленькой квартирке позади ресторанчика в Экюссоне – старой части города Монпелье с узенькими улочками. В этом ресторанчике отец работал поваром, мать – официанткой, что позволяло им платить домовладельцу и кормить себя и сына. Нестор был не силен в учёбе, науки давались ему с трудом. Это, его застенчивость и неуверенность в себе не позволяли ему даже надеяться на то, чтобы поступить в местный университет, да и учиться он не очень-то любил. Его нельзя было назвать красивым парнем и при прочей его бесталанности девчонки посимпатичнее не очень-то обращали на него внимание. Его тянуло сбежать из студенческого Монпелье, а потому при первой же возможности он, уговорив родителей, уехал в Марсель, где брат матери пристроил его в торговый флот. Иногда, между рейсами, он навещался домой. Зайдя как-то в небольшую лавочку, где их сосед Лере торговал канцелярскими товарами, он заметил худенькую девчонку лет шестнадцати. Даже не саму девчонку, а её коленки. Она купила пару коробок с карандашами и вышла из лавочки.

– Кто это? – поинтересовался Нестор у Лере.

– Ну, ты что, морячок, не узнал Эмилию? – усмехнулся в усы хозяин лавки. – Это же дочь Дуков, они живут через три дома от вас ниже по улице.

Так по коленкам Нестор и подобрал себе невесту. Может быть, Дуки и не спешили быстро «пристроить» дочь, ожидая, что ей найдётся приличная партия, к которой вряд ли можно было отнести моряка Нестора Пуатье. Но едва достигнув совершеннолетия, Эмилия не лишена была той неожиданной рассудительности, свойственной иногда и молоденьким девушкам, которые обосновывают свой выбор мужчины по принципу «может быть и хуже». Помимо всего, многие девушки замечают мужчину именно потому, что в нем нет ничего яркого, искромётного, что может позже отодвинуть их на второй план, затмить их собственный блеск (которого может и не оказаться вовсе) и позволит им управлять женщинами – как вариант. И, наконец, часто их соблазняет идея, что стоит только зарегистрировать брак, как они избавятся от надоевшей опеки родителей, станут хозяйкой в доме – даже не обладая минимально необходимыми задатками для этого.

Конечно, если честно, то Эмилия мечтала о женихе с медицинского факультета, желательно атлета под два метра ростом и с обеспеченными родителями. Но в кино её пригласил не будущий врач, а Нестор. И купил он билеты на дневной сеанс фильма «Господин Такси». Новая комедия, где наивного добряка таксиста Пьера Вержара играл Мишель Симон², который разъезжает по Парижу со своим псом Гангстером. Нестор и Эмилия, взявшись за руки в темноте кинозала, переживали вместе с Вержаром – что же делать с сумочкой с огромной суммой в триста тысяч франков, забытой в стареньком автомобиле? Как отнестись к появлению милого, хоть и бедного жениха дочери; к отношениям и чувствам его сына к актрисе кабаре Лили; к спорам с полицейским – мужем сестры таксиста о политике, в которой оба ничего не понимают? Этот наивный милый фильм о простых человеческих чувствах и незатейливых мечтах его героев сблизил их, показал, что они во многом схожи. А ещё Эмилия обратила вни-

---

² Мишель Симон – актёр театра и кино, родился в Швейцарии, преимущественно работал и жил во Франции. Мастер комедии и гротеска. Снимался в фильмах французского кинематографа с 1930-х годов. Последняя роль сыграна в год смерти: в 1975 году в фильме «Красный ибис» режиссёра Жан-Пьера Моки.

мание на то, что Нестор был очень похож на актёра, сыгравшего небольшую роль художника – кажется, в титрах он значился как Луи де Фюнес.

Нестору нравились коленки Эмилии, её застенчивость и незатейливый нрав; Эмилии – то, что он был первым, кто обратил на неё внимание не как на маленькую девчонку. В следующий свой приезд в Монпелье он сделал ей предложение, но она поставила ему условие:

– Или я, или море. Я не хочу себе мужа-моряка! Тебя месяцами не бывает дома.

Через долгие три года он капитулировал. Да и Эмилия успела окончить учёбу и решила освоить делопроизводство и машинопись. И когда она уже было собиралась устроиться куда-либо на работу, он попросил руки у её родителей. Так что ни он, ни она даже и не успели увлечься кем-либо ещё, кроме друг друга.

После посещения церкви и мэрии их брак был скреплён земными и небесными скрижалями. И началась прозаическая семейная жизнь. Деньги, подаренные родственниками на свадьбу и откладываемые прежде Нестором, стали быстро заканчиваться; бывшему моряку найти работу в городе преподавателей и студентов было нелегко. Заработок находился, но непостоянный: то помощником в пекарне, то грузчиком. К тому же, в страну потянулся людской поток выходцев из Алжира, получившего независимость от метрополии. Эмилия не успела устроиться на работу в этом году – на свет появился Поль. Так они и жили в арендуемой небольшой квартире, состоящей из небольшой комнаты и кухни, меблированных двумя кроватями, стареньким кухонным столом и небольшим шкафом.

Их верность друг другу может показаться не совсем обоснованной. Ведь этого не предвещали ни наши весьма сдержанные отношения до свадьбы (если не считать походов в кино-театры и изредка – в кафе), ни отсутствие медового месяца. Однако старания, которые ими прилагались, чтобы оправдать свою совместную жизнь, возникли вовсе не в результате привычки или лицемерного отношения супругов. Их взаимные чувства к партнёру по браку зиждились на позиции – люби таким, каков он есть. Выбор сделан, окончательно определён и ему надо подчиниться, принять его. И в этом есть большая правда и сила – в умении принимать и цементировать семью вокруг себя. Кто-то обладает таким жизненным мастерством, другим его не хватает. Но кто знает, что именно можно назвать счастливой семейной жизнью – Пуатье считали своё супружество удавшимся. Да, их отношениям не хватает искорки, от которой то и дело вспыхивает всепоглощающее пламя страсти – но какой смысл сожалеть о том, что тебе не дано?

Отсутствие нормального заработка и постоянной работы давило на Нестора, душило его до состояния панического страха. Молоденькой жене он поначалу ничего не говорил. Как и впоследствии, самые сокровенные чувства Нестор глубоко прятал в тайниках души, внешне же он казался непревзойдённым оптимистом. Правительство страны провозгласило «план стабилизации», включавший в себя блокирование розничных цен и заработной платы, кредитную рестрикцию³ и сокращение бюджетного дефицита через значительное увеличение налогов. Но росли и военные расходы Франции, и покупательная сила нового франка постоянно падала.

Работу в городе можно было в основном найти тем, кто работал в университете или ориентировался на обслуживание студентов. Но такая возможность была не у всех. Через пару лет после рождения сына Нестор поставил Эмилию перед фактом – их семья переезжает в Марсель. Дело было не только в его тяге к морю. «Наш город известен университетом, и тем, что сто восемьдесят лет назад чудак Ленорман⁴ прыгнул с башни обсерватории с первым парашютом.

---

³ Кредитная рестрикция – введение ограничений центральным банком на количество и размер выдаваемых им кредитов.

⁴ Луи-Себастьян Ленорман – французский физик, изобретатель и пионер в области прыжков с парашютом. Его считают первым кто, который совершил засвидетельствованный спуск с парашютом, и приписывают введение термина «парашют» (греч. para – «против» и франц. chute – «падение»). После совершения прыжка с дерева с помощью двух видоизменённых зонтов Ленорман усовершенствовал изобретение и 26.12.1783 г. прыгнул с башни обсерватории Монпелье перед

В университет мне не попасть, новый парашют не изобрести, прыгать с башни я пока не собираюсь», – объяснял он жене. Просто вновь руку помощи протянул его марсельский дядюшка: он помог ему устроиться проводником на поезда дальнего следования.

00 ч. 10 мин. 08.11.1964 г.

Все люди – как люди, только ты не похож ни на кого. А говорят, что озарений в жизни не бывает!

Это вызвало большой переполох – рождение этого ребёнка. Доктора Тбилисского род-дома намучились во время родов, роженица – вместе с ними. Плод был крупным, лежал неудобно. Но на пятый день женщину с ребёнком уже забирал муж домой. Мужчины беспокоятся о жёнах, когда они производят на свет их ребёнка. В другое время, особенно если чувства уже прошли, они их просто не замечают. И ещё через пару месяцев семья Хитадзе распалась. Положение и до этого было накалённым, это продолжалось уже третий месяц и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всеми членами семьи Хитадзе – свёкром, свекровью, старшим братом мужа, и их знакомыми. Все они чувствовали, что нет смысла в их совместном проживании, и что молодые супруги быстро потеряли где-то связывавшие их чувства. Муж не раскаивался в том, что он оказался неверен в свои двадцать пять лет – красивый (для мужчины), горячий, влюбчивый, бывший боксёр. Он уже не был влюблён в свою жену, которая была на два года младше него. И он не скрывал этого от неё, полагая, что она должна смотреть на это сквозь пальцы. Ему не было стыдно за свою беспощадность к Гаянэ. Даже, и почему-то особенно тогда, когда она забеременела. Жена была озабочена лишь предстоящими родами, тяжестью предстоящего развода и своего положения после него, и ходила по дому как потерянная, писала чуть ли не каждый день жалобные письма своей матери, прося разрешения переехать к родителям, жившим в Пятигорске; муж мог не появляться дома по два дня подряд. Все рушилось в этой молодой семье. А родившемуся Амирану Хитадзе было всё равно: он родился и требовал к себе внимания. Есть всего два подвида жизни: своя и чья-то чужая, то есть не своя, жизнь всех остальных. Каждому важно лишь разобраться, в том, что для него ценнее из этих подвигов. С момента твоего появления на свет весь мир тебе что-то должен. Как бы только не пропустить рубеж, за которым мир вправе ожидать от тебя, уже так много задолжавшего в ответ, нужных чувств, слов и поступков.

Что может быть более увлекательным и захватывающим для познания, чем любая человеческая жизнь? Однако, дневник даже самой занимательной и неординарной личности, описывающий каждый прожитый день, каждый сделанный шаг ею, вряд ли станет бестселлером. Иногда, порой, ум пронзает яркая вспышка, как всего лишь первый толчок к познанию, и, в результате, получается подметить характерные идеи и события, позволяющие определить общность охватываемых эпох и героев.

11 ч. 06 мин. 06.08.1971 г.

Как-то так сложилось, что Нестор, занятый трудовыми буднями и постоянными поисками работы кроме основной, так мало уделял времени молодой жене, застывшей в унылой тоскливой дремоте повседневной жизни, сером однообразии буден, и вовсе не жаждущей внимания, развлечений, чего-то нового, неожиданного, тех милых глупостей, которые способствуют счастью любой четы. Похвальное усердие мужчины, который ежедневно работает и работает. Забывая о том, что было бы неплохо войти в ванную, когда Эмилия там купалась и, не погасив света, найти и там достойное применение телам обоих. Сама же она об этом целомудренно молчала по той причине, что считала такое своё поведение единственно приемлемым – это дело мужчины, выказывать свою страсть.

Дети рождались зачатыми исключительно в супружеской постели – всё-таки иногда Нестору и Эмилии приходилось соглашаться с импульсами своих телесных оболочек, и время от времени графики этих импульсов совпадали. Появление каждого из них Эмилия встречала с радостью, Нестор – тоже, только его радость перемежалась с ужасами предстоящих постоянно растущих расходов.

Поль Пуатье рос здоровым мальчуганом с отменным аппетитом. Чёрные как смоль волосы, типичный южный нос и наивный ангельский взгляд серых глаз – этакий карапуз, на радость папы и мамы. У него уже родились сестричка и брат, которых он очень любил. Поль находил для них добрые, приятные слова и называл только так: сестричка Сильвена и братик Жермен. «Доброе утро, сестричка и братик», – с этих слов начиналось его каждое утро. Но двое малышей завоёвывали все больше пространства и внимания родителей, и Поль стал больше замыкаться в себе. Правда, и читать он стал больше.

Эмилия передала ему любовь к природе. Когда это было возможно, она брала детей на прогулки в парк Борели и Ботанический сад, неподалёку от которого они арендовали квартиру в Марселе. Им очень нравились два этих зелёных уголка города. Поль мог часами увлечённо следить за муравьями и жучками, лазающими по земле, наблюдать за вёрткими движениями любопытствующих ящериц, кормить хлебными крошками птиц. Вот и сейчас Поль поймал усевшуюся на цветок муху и потащил её к ближайшей паутине – посмотреть, как она там запутается, а затем прибежит хозяин паутины и будет ждать момента, когда можно будет расправиться с очередной жертвой. Поль может всё это время простоять рядом с паутиной, затаив дыхание. Однако настороженное отношение к морю тоже ему передалось от матери.

Поль пошёл учиться в школу. Учительница обращала внимание его матери, что у мальчика умственные способности гораздо выше среднего уровня; он интересуется книгами, природой, вот только эти способности и интересы развиваются исключительно в тех направлениях, которые его интересуют и не мешают ему при этом быть весьма болтливым, строить козни одноклассникам и дерзить преподавателям; собственный контроль дисциплины отсутствует напрочь. Любая дразнилка со стороны сверстников приводила к тому, что вспыльчивый и бузотёрный Поль бросался в драку, и зачастую не с пустыми руками, а с тем, что попадалось на глаза – а это мог быть и увесистый булыжник. Преподавателям на их замечания он мог ответить грубостью.

Эмилия, вспоминая своё детство, не придавала поначалу этому внимания, а Нестор даже её отговаривал от излишней опеки в этом отношении: он был доволен – сын сможет постоять за себя и защитить сестру и младшего брата. Мол, настанет время, с годами поумнеет. Наказывали его тем, что не отпускали погулять на улице без присмотра родителей. А присматривать не всегда было возможность – ну не держать же его взаперти дня три подряд! И потом, это только у Нестора был сильный характер, а Эмилия не выносила никаких осложнений в отношениях с детьми и попустительствовала ему. Чем больше она слушала его сетования, тем чаще её

состояние приближалось к пред-инфарктному, нервы распускались подобно упавшему в воду бумажному оригами. Так что стоило Полю захныкать, как он получал пропуск на улицу.

Поль иногда не видел отца несколько дней подряд, а потому, когда у Нестора появлялись выходные дни, сын старался никуда от него не отходить. Даже если отец ложился спать – он в этой же комнате тихонько забивался в угол с книгой в руках и только иногда посматривал на спящего отца: не проснулся ли. Вот и сегодня, вернувшись из очередного рейса под утро, Пуатье-старший лёг спать. Эмилия с младшими детьми куда-то вышла. Случайно выпавший из рук Поля привезённый отцом металлический игрушечный автомобиль загрохотал, ударившись об пол и Нестор, измученный тяжёлой работой с постоянно прибывающими и убывающими пассажирами его вагона, не выдержал:

– Да дашь ты мне поспать, или нет, несносный мальчишка! Я хочу отдохнуть! Даже малышей в доме не слышно, а от тебя целый тарарам! Всыпать тебе ремня? – Нестор накричал на сына, который и так был перепуган и внезапным шумом от выпавшей игрушки и расстроен, что не дал поспать отцу. Вскочивший на ноги Пуатье и впрямь схватился за брюки и стал стягивать с них толстый кожаный ремень.

И хотя до сих пор отец ни разу не стегал его ремнём, Поль вдруг явственно представил, как эта длинная чёрная и ужасная полоска кожи в руках отца настигнет его тело и с громкими хлопками покроет его ударами, оставляя ужасные раны.

Мальчик бросился из комнаты наутёк.

– А ну вернись, прохвост, – крикнул ему вдогонку Нестор, но лишь услышал, как хлопнула входная дверь и далее – удалявшийся голос ревавшего навзрыд сына. Сообразив, что жены с детьми нет дома, рассерженный и на сына и на себя, Нестор быстро натянув на себя брюки и заправив в них рубашку, не найдя почему-то свих туфель, влез в домашние тапочки и выбежал вслед за Полем. Брюки были ему чуть великоваты, а потому из дома он выходил с ремнём в руке, решив, что затянет его на себе, как только догонит сына. Кроме всего прочего, на выходе из комнаты он карманом брюк налетел на дверную ручку: раздался душераздирающий треск и карман повис наружу ухом спаниеля.

Удирающую фигурку Поля отец увидел уже на следующем квартале вниз по улице. Их отделяло метров восемьдесят, но Нестору в домашних тапочках и со спадающими брюками, которых приходилось подтягивать вверх через каждую минуту, быстро бежать не удавалось. Бег получался неспортивный, отдельными рывками, пальцы ног приходилось растопыривать, чтобы не потерять на ходу тапочки. Полю, оглядывающемуся на бегу назад через плечо, и успевшему рассмотреть в руках у отца страшное кожаное оружие, дикий страх долго придавал силы, чтобы держать приличную скорость – как бы скрыться от настигающей погони родителя.

Ещё через квартал Поль повернул за угол и, пробежав по инерции шагов двадцать, весь мокрый от пота, прислонился к фонарному столбу. Взъерошенный Нестор завернул за ним и увидел, что сын смотрит на него взглядом затравленного зверька и только тогда сообразил, что до сих пор сжимает свой сложенный в кольцо ремень. Он стал разворачивать его, чтобы продеть в хлястики брюк, а мальчишка принял это как сигнал к новой атаке. И вместо того, чтобы спокойно подойти к Полю и успокоить его, ему пришлось, чертыхаясь, вновь засеменить ногами в тапочках и кричать на всю улицу, еле сдерживая себя от бранных слов:

– Стой, вернись! Я не собираюсь бегать за тобой до бесконечности! Но уж если догоню...

Его крики привели к тому, что люди стали распахивать окна и глазеть на их беговые состязания. Не говоря уже о тех, что находились на жарких летних улочках. Это сбивало Нестора с ритма, и один из тапков слетел с ноги, что окончательно его вывело из себя:

– Я до тебя и босиком доберусь!

– Может твой пухляк и не сокровище, но соображает и бегаёт он лучше, чем ты! Сними второй тапок – тогда догонишь, – подбодрил его какой-то случайный прохожий со смехом.

– Устроили скандал на весь квартал! – подхватила стоявшая рядом с ним женщина. – Ты бы вддел ремень в штаны, пока они не свалились у тебя окончательно, раз до сына дотянуться не в состоянии! И это называется – отец!

– Остановись, наконец, Поль! – бег продолжился. Гнев понемногу стал сменяться переживаниями за сына и сознанием глупости создавшегося положения. Можно было приложить усилия и догнать Поля, но весь этот марафон Нестор устроил только для того, чтобы сын сдался и попросил прощения. «Может оставить его здесь, всё равно вернётся домой?» – подумал отец, но выиграло его собственное упрямство. Куда тогда девать свой родительский авторитет?

Улочки сменялись широкими проспектами, по которым катились автомобили. Он ещё несколько раз хриплым голосом продолжал выкрикивать имя сына, прикидывая, как именно будет свершаться справедливый суд, и прикидывая в уме, какого наказания заслуживает Поль. И уже жаль его, мальчишка едва передвигает ноги. Он даже не оборачивается больше. Вдруг прыжком, которого от него невозможно было ожидать, Поль преодолевает длинную и широкую канаву и только тогда останавливается, понимая, что раскиданные вокруг гравий, песок и пятна ещё влажного цементного раствора не дадут отцу совершить такой же прыжок.

Нестора тревожило то, что у Поля почти нет друзей, что было присуще и ему, они в этом были схожи. Эта нелюдимость была наследственной чертой. Спорт, к которому раньше пытался пристрастить его Нестор, не интересовал сына, хотя, несмотря на свой избыточный вес, в нём чувствовались хорошие задатки. Вот стрелять он любил. Так что попытки через спортивные занятия обрести для него друзей ни к чему не привели. У него отсутствовало и чувство командного игрока.

– Поль, ты меня замучил. Какого чёрта ты столько бежал? – Нестор встал перед канавой, упершись руками в колени ног, пытаясь отдышаться. И, изображая на лице улыбку, и подбирая слова, которые бы помогли найти для обоих выход из драматической ситуации, попробовал всё свести к шутке. – Я всё-таки, с твоего разрешения, вставлю ремень на место, иначе кроме тапочек, потеряю ещё и штаны на виду у всего города.

Поль смотрел на отца со страхом и недоверием.

– Ты всё время бежал за мной с ремнём. И не потому, что хотел подтянуть брюки!

– Поль, ну ты что. Я не собирался тебя бить!

Мальчуган раскис, у него задрожали губы.

– Ты просто не смог перепрыгнуть через канаву, – Поль недоверчиво рассматривает Нестора так, словно видит его впервые.

– Сынок, ну довольно, пойдём домой, – уговаривает его Нестор с нотками просительности.

– Ладно, – кивает мальчик. – Только я не смогу перепрыгнуть канаву ещё раз. Подожди, я обойду.

Поль обошёл канаву и медленно подошёл к отцу, глядя на его босые перепачканные ноги.

– Теперь весь Марсель будет говорить, что я не люблю своих детей и избиваю их, – проворчал Нестор.

Мальчик поднял глаза и одновременно беззащитно, но уверенно выдохнул:

– Их, – и было понятно, что он имел в виду Сильвену и Жермена, – ты любишь, а меня – уже нет.

Нестор ужаснулся этой фразе. «А меня уже нет...» Неужели он прав и Нестор может обделять его своей любовью?

– Не так, как раньше, – немного смягчил свою непримиримую позицию Поль.

Отец присел перед ним, словно прося прощения, повернул к себе лицо Поля и спросил:

– Ты и правда так думаешь?

Сын отвёл от него свои глаза, пожал плечами:

– А ты сам как думаешь?

Вечером, в служебном купе очередного поезда, сидя на насесте своего лежака, пока пассажиры его не беспокоили своими просьбами, Нестор обдумывал утренние разборки с сыном, то обвиняя себя, то оправдывая. Чего же не хватает этому мальчишке, они же с Эмилией обращаются с ним точно также как и с младшими детьми, также его целуют и наказывают. Его также кормят и одевают, у него первым появлялись новые современные игрушки, которые уже по наследству передавались Сильвене и Жермену. Да, девочке были куплены ещё и куклы, детская посуда – но куда деваться от гендерных отличий? И домашние задания из школы делались совместно с мамой или папой. Видимо, наличие необходимых по жизни материальных вещей в жизни ребёнка не является определяющим в том, каким он вырастет и как себя чувствует в семье.

12 ч. 39 мин. 17.07.1974 г.

Амиран просто обожал ходить с мамой к её двоюродной тётё Нине. Она разрешала ему покопаться (но только аккуратно, не перемешивая ничего!) на книжных полках. Какое это наслаждение – перебирать и перелистывать увесистые тома, запоем погружаться в мир прекрасных героев и злодеев, пиратов и путешественников, забывая обо всем на свете. Художественная приключенческая литература была большой редкостью, и в магазинах ничего интересного в открытую не продавалось, хорошую книгу «доставали». Здесь же на полках рядами стояли Дюма, Стендаль, Толстой, Беляев...

За окном раскатистым неторопливым басом мужественного и уверенного в себе силача, перекачивающего по крутым мощёным старым булыжником улочкам большой овальный деревянный лоток на колёсах, раздавался клич продавца холодным счастьем для малышей и взрослых в эти жаркие летние дни: «Аба! Мааа-рооо-жнии! Ээээс-киии-мооо!», на который сбегались жители всего квартала. В основном это была ребятня.

– От него несёт чрезмерной для ребёнка послушностью, – говорила тётя Нина своей племяннице Гаянэ об Амиране. – Ему бы следовало побольше гулять со сверстниками и обзавестись друзьями. А вместо этого он у тебя читает с утра и до утра! У ребёнка каникулы! Выгоняй его на улицу, поиграет с мальчишками в кочи⁵. Пусть хотя бы сам пойдёт купить мороженого!

Можно сказать, что она слишком носилась с сыном, когда была рядом, но её влияние было настолько сильным, что Амирану было тяжело обходиться без него. Они поначалу были бедны, так как жили на одну её зарплату. В магазине и на рынке она была одной из тех домохозяек, которые, сжимая в руке почти пустой кошелек, долго не сводят глаз с прилавков и ценников, не имея возможности купить всё и в достаточном количестве. Однако эта бедность рождала в Гаянэ острое желание не ударить лицом в грязь, накормить сына приличной едой, дать ему образование, чтобы в будущем он смог подняться до хотя бы стандартного-престижного положения советского гражданина. Жёсткая экономия не позволяла ей общаться и принимать тех, кого молодая мама предпочитала считать «людьми своего круга».

– Он такой, тётя Нин! Вы же видели: увидел у вас на полке «Три мушкетёра» и сразу попросился оставить его в комнате, чтобы он мог почитать. Он счастлив, что вы разрешили ему это.

Проходило время, её заметил мужчина, который довольно долго оставался рядом с ней, хотя и на расстоянии. И это «рядом, но на расстоянии» приводило к тому, что поскольку общение с людьми, которых она называла «людьми иного круга», было практически ею же сведено к нулю, фактически они с сыном жили в своём мирке. Даже когда финансовые возможности стали позволять им жить посвободнее. Доброжелатели всегда найдутся и о ней уже судачили кумушки во дворе. Но она обрела проявляющуюся изредка некую напускную уверенность; её горделивая осанка, вскинутая голова, стали только подчёркивать в ней несдержанность до последней капли любви матери, которая видит смысл своей жизни в счастье собственного ребёнка.

В соседней комнате пробили часы, а ничто не напоминает более настойчиво о настоящем и будущем, как своевременный бой часов.

– Ты же видела, какой это толстый том, ему читать неделю. Я бы и так разрешила вам взять книгу с собой.

Однако, наделённая годами личного опыта своими представлениями о жизни, такая женщина подпитывается от своей убеждённости в собственной правоте и незаметно даже для себя

---

⁵ Кочи – (груз.) кость. Игра в кости, чаще использовались «правильные» надкопытные кости овец, реже другого мелкого рогатого скота.

начинают управлять и своими чувствами и своими детьми. В их обособленной от остальных жизни не было ничего плохого – как им обоим казалось. Скорее, это был такой уклад жизни, к которому привыкаешь; это и привязывало их друг к другу сильнее, чем остальных родителей и детей.

– Тётя, вы его не знаете! Он закончит её быстрее, чем вы выгоните нас отсюда.

Амиран обожал свою мать, которая уже сейчас, не говоря об этом сыну напрямую (мал ещё) присматривала ему подходящую пару из дочерей немногочисленных подруг. Она действовала с настойчивостью и простодушием, которые всё же не доходили до прямой бестактности.

– Не может этого быть! Он так быстро читает?

Амиран, конечно, ни о чем не догадывался.

– Особенно понравившуюся книгу. Особенно, если его могут от неё оторвать раньше, чем он дочитает. Он ещё и считает быстро. Сегодня утром, даже не знаю, что это пришло мне в голову, я задала ему задачку, спросила: «Сынок, только отвечай быстро: сколько будет – от девятисот двадцати восьми отнять четыреста двадцать, умножить на пятьдесят шесть и отнять тридцать два?» Он уже через секунду мне выпалил: «Двадцать восемь тысяч четыреста шестнадцать».

Просто ещё не пришло время выполнять и такую волю матери.

– Ну не знаю, милочка. Это не нормально для такого малыша. А тебе всё-таки не мешало бы выйти ещё раз замуж, чтобы Амиран не ходил по этой планете вечно под колпаком твоей юбки!

Что же, в конце концов, удерживало её от повторного замужества? Кто ответит на этот вопрос лучше остальных, кроме того самого мужчины?

– Тётя Нин...

Боязнь потерять его и тот недостаток в жизни, который ею уже определялся «выше среднего»? Нежелание самой устраивать в своей жизни и жизни сына опасные перемены? Едва случайное чувство осветит темные глубины души, неосвещённые и редко посещаемые, пробудит её, как тут же гаснет под напором логических доводов ума, и всё снова погружается в рутину старых привычек. Ау!!!

– Гаянка, иди в жопу! Испортишь мальчишку! – тётя Нина могла спокойно и выmaterить, а не только послать аппетитно в пятую точку. Впрочем, ей это подходило, этой старой матроне, черты лица которой и в восемьдесят выдавали в ней благородное происхождение её предков. И если вокруг неё женщины говорили – у меня девичья фамилия была такой-то, то тётя Нина объявляла: «Я – урождённая Тамбераци⁶!». С ударением на последний слог, чтобы не путали её фамилию с какой-нибудь там итальянской!

– Mamochka, я прочёл «Трёх мушкетёров»!

---

⁶ Тамбераци – армянский княжеский род.

20 ч. 00 мин. 06.08.1977 г.

Время бежит неумолимо. Время – это коктейль, который можно взболтать, но при этом невозможно смешать. Невозможно представить Чингиз-хана в компании с Наполеоном! Вернее, представить-то можно, а вот послушать, как они обсуждают за столиком в кафе, выпивая по рюмочке коньяка, роскошную грудь проходящей по Елисейским полям девушки – это вряд ли. Но если ваши жизни пересекаются во времени – весьма вероятно, что вы пересечётесь и в пространстве.

Поль несколько переменялся за это время. Похудел, перестал плакать, когда огорчился и даже стал находить себе друзей. После того, как он отболел корью и свинкой – особенно. Марк Мора, которого друзья называли Мамо (по первым двум буквам имени и фамилии) был из приличной французской семьи трудолюбов, живших в собственном доме в нескольких кварталах от Пуатье. У обоих подростков уже появилась редкая поросль на щеках. Марк успел попробовать марихуану, которая стала распространяться всё больше во Франции за последние десять лет протестных настроений, и знал где её достать. Деньги на неё он частенько таскал у родителей. Уже только поэтому он пользовался авторитетом у местных парней. У него появились проблемы с полицией.

Сегодня родителей Марка не было дома, и он сидел на балконе вместе с Полем и мальчишкой с кличкой «Кролик» (это благодаря широким передним верхним резцам, которые невозможно было не заметить каждый раз, как он открывал рот) на год старше него. «Кролика» звали Рикардо. Марк достал косяк с марихуаной, закурил, закашлялся, и, сделав пару затяжек, решил передать её Полю. Но тот решительно помотал головой:

– Нет, отдай лучше Кролику, он не откажется, а я что-то не хочу.

Кролика не пришлось долго уговаривать, но огонь погас, так что он поджёт его снова.

Поль и обычных-то сигарет впервые попробовал курить месяц назад, а этот дым после первой же затяжки вызвал у него головокружение и накотивший град слёз. В горле першило от вонючего дыма, но он старался не дышать, сдерживая кашель. Но как это можно было показать сейчас?

– Не знаю, воняет только как куриный помёт.

– Да ты расслабься, садись, – поучил его Марк. Потом вдруг рассмеялся, хотя для этого не было повода. – Тогда всё почувствуешь.

Сесть Полю пришлось хотя бы потому, что ноги у него уже подкашивались. Глаза стали закрываться сами собой.

– Ну вот, – ухмыльнулся Кролик, – теперь ты с нами на одном облаке.

Поль приоткрыл глаза и увидел катастрофически расплывшихся по балкону Мамо и Кролика, словно круживших в танце вокруг него. А родители так переживали, что у их сына не было друзей, вот же они! Да, и с этих пор эти трое говорили не «мы пошли покурить травку», а «мы пошли на облако».

Как-то после школы, наигравшись в карты на последнем уроке геометрии, вместо того, чтобы старательно орудовать циркулем, линейкой и транспортиром, эта троица выкурила по изделию с «травкой» и отправились гулять по улицам Марселя. Вышли на проспект Амбур и решили поесть пиццы. Поев, они продолжали сидеть за столиком. Вели себя довольно шумно – эффект от «травки» ещё не успел выветриться, и их попросили уйти. Мальчишки отмахнулись от хозяина пиццерии, да ещё и пригрозили, что не заплатят за еду.

– Адамо, Саверио, вышвырните их на улицу, этих накуранных, – распорядился хозяин пиццерии двум молодым официантам. И те схватили и выволокли парней – сначала Марка и Рикардо, а затем направились за оставшимся за столом Полем.

– Не забудьте получить у мсье плату по счёту! – напомнил хозяин.

– Лучше не трогайте меня, – закричал Поль, но его постигла та же участь после того, как официанты обшарили его карманы и вытащили оттуда деньги – ровно столько, сколько было положено за съеденное мальчишками. Друзья уже ждали его неподалёку и собирались обойтись обидными выкриками в сторону хозяина пиццерии, но Поль рассудил иначе. Он обнаружил валявшийся у дерева большой камень, швырнул в витрину пиццерии и только тогда бросился наутёк. Ему удалось убежать довольно далеко, когда он обернулся и увидел, что Адамо и Саверио снарядили за ними погоню. Им удалось схватить поздно рванувших с места Марка и Рикардо, которых они затащили уже обратно в пиццерию.

Поль гордился своим поступком, хотя родителям каждого из троих мальчишек это обошлось в несколько сотен франков (друзья так его и не выдали подъехавшим сотрудникам полиции, не назвав имени и адреса где жили Пуатье; но решили поделить сумму ущерба за битое стекло на троих). Никакого раскаяния, да он ещё получил железное подтверждение того, что на Мамо и Кролика (мать которого готова была направиться и в ад, если бы там пообещали помочь сыну) можно положиться в опасной ситуации! Правда, ребят взяли на заметку за эту шалость.

– В следующий раз я сам тебя отправлю в полицию, – заметил Нестор.

Эмилия Пуатье понимала, что между мужем и старшим сыном возникает стена непонимания. Нестор часто отсутствовал в поездках, но, отдыхая в перерывах между рейсами, всегда с нетерпением ожидал вечера, когда вся семья собиралась на ужин и все они впятером общались. В последнее время, даже если Поль и был вечером дома, то торопливо съедал свою порцию жареной рыбы и спешил уединиться. Его мир был закрыт для родителей, сестры и брата. Мамо и итальянец «Кролик» заменили ему самых близких людей, и он решил больше не тратить на родных своё сердечное тепло.

У Поля было чувство обострённой справедливости, но только по отношению к себе самому и отличалось оно настолько сильно от морально приемлемых норм, как прокисшее молоко от свежевзбитых сливок. Но тому, кто не привык взвешивать свои слова и поступки, в один прекрасный день приходит в голову и закрепляется там навечно мысль, что только сам он заслуживает высокого балла. А там уже недалеко и до перегибов в самооценке. Особенно, если находить повод помешивать время от времени внутренний пепел и раздувать в себе остывающие угли превосходства над остальными, чтобы слабый огонёк снова и снова разгорался в жгучее пламя. Да ещё если со стороны раздувать его будет случайный или целенаправленный ветер...

Нестору отравляли жизнь не только нелады с сыном. Он искал виновника многих бед – и той, что изменила образ жизни сына, сделав его столь непонятно агрессивным, и той, что заставляет платить массу налогов и потому так тяжело откладываются деньги, и той, что вызывает рост преступности в Марселе и Франции вообще. Нестору казалось, что он нашёл виновника: всему виной новая волна «демократизации и свободы» в стране. И иногда говорил самому себе, что сочувствует росту проявления национального экстремизма. «Франция – для французов» – что в этом плохого? К переезду в страну арабов, и даже той части французов, которых до сих пор называли «pieds-noirs»⁷, белых выходцев с Африканского континента, он относился неодобрительно: мол, это именно они завозят в страну дурные идеи, а местная молодёжь их подхватывает вместе с дурными манерами.

Раньше он мог обнять старшего сына, затискать его, а сейчас вдруг это становилось как бы неуместным, несмотря на желание быть ближе к нему. Мальчишка всё больше отда-

---

⁷ «pieds-noirs» – (фр.) «черноногие», франкоалжирцы – этнографический и историко-культурный термин; алжирцы европейского (французского, испанского, а также иногда еврейского) происхождения, составлявших довольно значительную часть населения Алжира в период французского господства в 1830 – 1962 годах. После обретения Алжиром государственного суверенитета в результате войны алжирцев за независимость в конце 1950-х – начале 1960-х, основная масса более чем миллионного европейского населения страны эмигрировала, в основном обосновавшись во Франции.

лялся от него, не принимал его проявлений внимания и нежности. Оставалось только надеяться на усиление строгих мужских мер.

За Полем всё больше закреплялась репутация «безголового чудилы». Легенды о его выходках ходили по всему району. Он мог уснуть в классе, уйти посередине урока, запустить камнем в чьё-то открытое окно. Некоторые психиатры считают, что абсолютное большинство людей обладает запасом поведенческой прочности, при котором их мозг вовремя дергает за стоп-кран, удерживающий от бездумных действий в различных случаях. Однако кому не приходилось иметь дело с людьми, у которых, почти безо всяких видимых причин вдруг щелкает в мозгу очередной предохранитель, и они рвутся вас оскорбить или избить, выкрикивая самые грязные ругательства? В обычной ситуации это нормальные, спокойные люди. Знать бы, отчего в головах начинают щелкать такие предохранители.

Как-то трое парней сели в автобус, и находившемуся с ними Полю вдруг приспичило остановить его между остановками: он увидел проходившую мимо одноклассницу. Водитель не соглашался делать дополнительную остановку и этим вызвал бурю негодования парня. Автобус пришлось остановить, потому что дело дошло до драки. Проходивший мимо отбившийся от своей группы полицейский, поняв, что самостоятельно может не справиться с драчунами, остановил проезжавшую патрульную машину и только тогда дал знак водителю автобуса открыть переднюю дверь. Молодую троицу бузотёров посадили на заднее сиденье и полицейская машина направилась было в ближайший участок, но через пару кварталов сидевший крайним справа Пуатье на полном ходу распахнул заднюю дверь не успевшего сильно разогнаться автомобиля и, сгруппировавшись соответствующим образом, кубарем выскочил на тротуар. Полицейские не сумели его догнать, но не без угроз выяснили у ребят, кто он, а также то, что на сегодняшний вечер у него имелся билет в кинотеатр, где его и стали поджидать.

В тот же вечер упустившие его полицейские подъехали к кинотеатру и сразу заметили мальчишку в собиравшейся у входа толпе. Увидев полицейскую машину, Поль замер от страха. В кармане у него была пара «интересных» таблеток, купленных полчаса назад. Он поспешно запихнул их в рот, заглотив как курица горох. И кинулся прочь. На следующий день Поль признался «Кролику» и Мамо: «Я оттуда просто улетел, как ракета». Ему и казалось, что он – летящая на бешеной скорости по улицам ракета. Полицейская погоня осталась далеко позади.

На другой день в дом к Пуатье пришли из районного управления по делам несовершеннолетних и полиции. К материалам Поля Пуатье прибавился ещё один материал. Нестор стал объяснять сыну, что через непродолжительный промежуток времени закон будет рассматривать его как взрослого по множеству из его обычных проступков и снисхождение для несовершеннолетних будет для него недоступным, что подтверждали и работники госслужбы. Кстати, они только что были в школе и выяснили, что Поль отнюдь не на хорошем счету и там, успеваемость неуклонно ползла вниз, даже по тем предметам, к которым он имеет способности. Нестор и Эмилия долго просили не наказывать сына очень строго...

Нестор никак не мог взять в толк, как же повлиять на старшего сына. Вот и недавно: он сделал сыну замечание по поводу невыполненной своей просьбы по дому – просил прибить отвалившуюся полку на стене. Поль схватил молоток и с размаху швырнул его, едва не продырявив стенку. Нестор готов был сначала броситься на сына с кулаками, но спустя мгновение растерялся от неожиданной выходки. Ему хотелось только крикнуть: «Сын, это же наш дом! Не понимаешь разве, это наш общий кров?!»

Поль Пуатье догадался, каким образом его нашли сначала у кинотеатра, а потом и дома. Вечером следующего дня он нашёл в кругу собравшихся на улице вокруг магнитофона мальчишек тех двоих, которые выдали его накануне полицейским. Из динамика звучали новинки года: умиротворяющий Джо Дассен – с песней «A toi»⁸, под которую Поль подыскивал подхо-

---

⁸ «A toi» – (фр.) «А ты».

дящее орудие; когда дело дошло до «Sunny»⁹ группы Бони-М и солисты во второй раз затянули фразу «Sunny one so truu – I love you»¹⁰, то наподобие музыкальной стилизации вилланеллы¹¹ Берлиоза рефреном им зазвучали голоса двух парней, по спинам которых несколько раз прошёл кусок резинового шланга для полива водой. Они быстро покинули импровизированный музыкальный ринг и под крики и улюлюканье самого Поля и остальных ребят поспешили ретироваться:

- Проклятые ажановские¹² прихвостни, не попадайтесь мне больше на глаза!
- За что ты их отстегал, Поль? – спросили парни из круга.
- У них длинные языки.
- Так надо было их подрезать.
- В следующий раз я последую твоему совету!

Через неделю Пуатье смотрели дома телевизор, когда раздался звонок в передней. Нестор открыл дверь и увидел незнакомца, который представился мсье Симоном и рассказал, что его мальчику разбили очки ударом кулака, и небольшой осколок стекла попал в глаз. Нестор и Эмилия замерли в предвкушении очередной неприятности, боясь задать страшный вопрос. Мсье Симон поинтересовался:

- Ваш Поль дома?
- Нет, он ещё не возвращался. Он в этом замешан?

– Я ещё не знаю и сам. Но мне передали, что он был там. Мой Жан точно не хотел связываться с хулиганами, хотел убежать. Сейчас он с матерью в больнице.

Потрясённого возможными последствиями драки для сына, мсье Симона трясло мелкой дрожью от гнева и беспомощности родителя что-то исправить самому.

– Я просто решил, что всегда лучше пообщаться по-хорошему. Простите, что-то у меня сердце защемило. Можно попросить у вас стакан воды? – Симон достал из кармана пачку таблеток.

– Да, конечно, – сказал Нестор. – Может, вы пройдёте, присядете в комнате? Эмилия, принеси пока стакан воды мсье Симону.

Они втроём прошли в комнату, Симону предложили сесть на диван, а Эмилия и Нестор сели напротив в кресла.

– Вам стало легче? – спросила Эмилия.

– Да, кажется, мадам Пуатье. Спасибо. Раз уж я у вас задержался, зовите меня просто Кловис.

– Хорошо. Тогда и нас зовите Нестор и Эмилия, – сказал Пуатье. – Чем вы занимаетесь, Кловис?

– Я официант. Работаю здесь неподалёку в приличном кафе. А вы?

– Эмилия у нас просто мама и жена. А я – проводник в поездах международных маршрутов.

– О, у вас такая интересная профессия, приходится много путешествовать.

Нестор пожал плечами:

– Это вряд ли можно назвать путешествиями, если большую часть времени на работе приходится проводить в пределах вагона. Скажите, Жан у вас единственный ребёнок?

– Да. А у вас есть другие дети?

– Двое. Девочка и мальчик, они сейчас в гостях у соседей, – подхватила Эмилия. – Но они младше Поля.

---

⁹ «Sunny» – (англ.) «Солнечная».

¹⁰ «Sunny one so truu – I love you» – (англ.) «Солнышко, верно одно – я тебя люблю!».

¹¹ Вилланелла – жанр итальянской бытовой сатирической, игровой, любовно-лирической многоголосной средневековой песни. Музыка светлого характера, под которую нередко танцевали.

¹² Ажан – (фр., простореч.) агент, полицейский.

– И может только поэтому пока не приносят нам хлопот, как старший, – усмехнулся Нестор. – Ваш Жан... Он, наверное, тоже не проблемный ребёнок?

– Да, думаю так можно сказать. И мы так его любим.

– Как можно не любить собственного ребёнка, – согласилась с ним Эмилия. – Могу я вам предложить чай и пирог с яблоками? Я только что его приготовила.

– Спасибо, вы так добры. Я просто посижу ещё немного.

– Эмилия, походи притащи нам пирог и чай. Может Кловис просто стесняется.

Эмилия вышла на кухню.

– Мне жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах, – продолжил Нестор, расстроено потирая руки.

– Поверьте, я сам... Вот даже и не знаю, зачем я к вам пришёл! – ответил Кловис Симон.

– Напротив, поверьте мне, вы правильно сделали, что пришли к нам. Скажу вам откровенно, нам всё меньше удаётся справляться с Полем. И я вижу, что вы пришли к нам вовсе не затем, чтобы обострять ситуацию. Даже не знаю, что я бы делал на вашем месте, если бы услышал, что моего сына изуродовал одноклассник.

– Я пока даже не уверен, что это именно ваш сын... Просто там была драка. Много ребят, но, по крайней мере, несколько человек мне потом сказали, что удар по очкам нанёс всё же Поль.

Эмилия принесла обещанный чай и порезанный на куски яблочный пирог:

– Пожалуйста, угощайтесь. Кловис, может нам стоит съездить с вами в больницу? Может, вы сможем вам чем-нибудь помочь?

– Нет-нет, спасибо. Лишь бы у Жана не было проблем со зрением. А так просто вы поговорите с вашим сыном, чтобы он не распускал руки без необходимости. Я знаю своего Жана, он никогда не полезет драться сам. А ребятам надо доучиться вместе до выпуска.

– Каждый должен научиться отвечать за свои поступки, вот что я думаю, – сказал Нестор. – Знаете, я всё думаю... может, пытаюсь найти Полю какое-то оправдание... Что говорили остальные ребята, из-за чего они всё-таки подрались?

– Они не поделили между собой место в классе. Кажется, Жан обозвал Поля или наоборот. Остальные мальчишки разделились на два лагеря: за моего, и за вашего... Только Жан попал в больницу, а Поль единственный, кто просто сбежал после драки с занятий.

– Мы выясним у сына, как только он вернётся домой, – пообещал Нестор, и неожиданно для себя добавил, – но я прошу вас заявить и в полицию.

– Нестор, – тихо охнула Эмилия, схватив его за руку.

– Пусть они выясняют – кто нанёс травму вашему сыну, – продолжил Нестор, резким движением высвобождая свою руку от рук жены. – Часто мы, родители, старательно избегаем обращаться куда положено, когда дело касается наших детей. Но каждой выходке должно быть назначено положенное наказание. Сходите в полицию, мсье Симон. А мы вас обязательно найдём, как только сами узнаем о произошедшем.

Симон протянул ему руку:

– Спасибо, мсье Пуатье. Неожиданно с вашей стороны предложить мне это, но спасибо. Извините за беспокойство, мадам.

Ближе к полуночи Поль с приятелями подходил к своему дому.

– А у нас в окнах свет ещё горит, – сказал он. – Вы идите, а я немного подожду, пока они улягутся, чтобы обойтись без нравоучений.

Но Нестор на кухне не спал, решив дождаться сына. Спустя полчаса он услышал, как тихонько открылась входная дверь, и кто-то тихо стал красться в комнату.

– Поль, я жду тебя на кухне, – вполголоса, чтобы не разбудить Эмилию и детей, позвал отец. – Сядь на этот стул. Где ты был?

– Нигде, как обычно, – махнул рукой хмурый Поль.

– Между нами что-то происходит. Не знаю, что за чертовщина творится в нашей семье, но я хочу попробовать оглянуться вокруг и начать всё заново. Как когда-то было. Ты же не мог это всё забыть? Наши совместные прогулки впятером, твою любовь к Жермене и Сильвену, к вашей матери. Давай восстановим всё это опять.

Неловкие паузы возникали после каждого предложения, хотя вот уже нескольких часов он репетировал эту беседу, решив сделать усилие над собой и вызвать Поля на откровенный разговор, но слова не шли по намеченному сценарию. Он перепрыгивал с одной темы на другую, понимая, однако, что надо говорить спокойно, и как с равным. Учёба, планы на будущее, поиск себя в нормальной профессии. Но Поль смотрел на него и просто молчал. Никакой реакции, диалога не получалось.

– Я всего лишь проводник в поездах, – продолжал Нестор. – А ты не сын банкира или инженера. Потому что я так и останусь проводником, если случайно не получу должность бригадира поезда. У меня просто нет необходимых данных, чтобы стать кем-то посолоннее. Но ты же посообразительнее меня, я же знаю! Я помогу тебе получить образование, чего бы мне это не стоило, лишь бы тебе не мешали твои дружки и вспышки этой непонятной агрессии по отношению к нам, твоей семье и остальным людям.

Поль спокойно заметил на это:

– Это не твоё дело. С кем хочу, с тем и дружу!

– Ты ещё несовершеннолетний, и живёшь вместе с нами со всеми, – повысил голос отец, – а значит должен подчиняться мне, как главе семьи!

– Успокойся и оставь меня в покое. Я пошёл спать.

– Это ты избил Жана Симона? Знаешь, что он может остаться без глаза?

– Он сам виноват. И я там был не один.

– С этого момента без разрешения меня или матери ни шагу из дома!

– Посмотрим ещё.

Обычно именно с такой фразы и начинаются настоящие мучения родителей.

10 ч. 02 мин. 24.07.1978 г.

В городе Кировабад, расположенного у подножия хребта Малый Кавказ, царило лето. Столбик термометра показывал тридцать восемь. На улицах били резкие порывы ветра, набирая силу и звеня оконными стёклами, сметая мелкие камешки с булыжной поверхности улиц. Он загнал горожан по подъездам домов, выгнав их с тротуаров. Небольшое количество легковушек, грузовиков и автобусов двигались по проезжей части, а вот троллейбусы почему-то остановились.

Начальник отдела уголовного розыска майор Давуд Исаевич Гусейнов, от жары развалившийся в кресле, подлил себе дымящийся напиток в хрустальный стаканчик из накрытого полотенцем чайника, пока капитан Мамедов делился с ним мыслями по старому делу. Выслушав капитана, Гусейнов усмехнулся:

– Хороший ты мужик, Надир, но странный. На кой тебе сдалось это дело? Даже прокуратура о нём забыла. С чего мы будем просить возобновить его? Ну, пропал парень и пропал. Да, жаль его, но даже трупа не нашли, и информации какой-то конкретной нет. Может где гуляет по Союзу – страна большая. А может у речки где оступись, может в озере нашем рыб кормит – и нет его. Тем более, моя подпись стоит в графе «утверждено».

– Вот у нас всегда так: пропадёт моток ниток с фабрики – всем отделом ищем, а человек пропадёт – никому он не нужен, никто его не разыскивает. Давуд Исаевич, дай мне это дело, не пожалеешь.

– Думаешь, мне нужен этот «висяк»? И что ты вцепился в это дело? А что я в Баку напишу? – майор так разнервничался, что даже встал из-за стола и стал разглаживать морщины на лбу. Устроившийся на глубоком диване Мамедов начал было тоже вставать, но начальник только замахал на него рукой – сиди, мол. – Какую причину мне отписать руководству? Вот ты сидишь и смотришь на меня как подсудимый с мольбой на судью, а я просто твой начальник. Я знаю, что ты меня уважаешь, и я к тебе хорошо отношусь, но не могу принимать необоснованные решения. Ну, вот что у тебя есть нового?

– Полагаю, это дело связано с ещё одним несостоявшимся «висяком». Помнишь, тогда же был пожар на хлопкоочистительном заводе? Тогда всё списали на возгорание хлопка, директор получил партийный выговор с занесением, инженера по технике безопасности уволили, дело, правда, так и не завели. Я вчера в обед зашёл в парикмахерскую – постричься.

Гусейнов мгновенно обогнул стол и, опершись на него бёдрами, оказался напротив Надира, словно увидел что-то новое на его лице или хотел увидеть:

– То-то ты такой красивый сегодня! И это наши брадобреи тебе подкинули идею, что пожар на заводе и пропажа Гаджи Исмаилова связаны между собой?

– Не совсем они. В соседнем кресле брили деда Гаджи – он и сопоставил пожар на хлопкоочистительном и то, что его внук собирался в этот день устраиваться на этот завод сторожем. В день пожара должна была быть его первая рабочая ночная смена.

– А он об этом откуда узнал? – спросил майор, раскачиваясь о край стола. – Может – выдумал старик.

– Деду об этом на днях рассказала бывшая работница отдела кадров завода. Она уже на пенсии, но подрабатывает продавцом на рынке. Она сама принимала у него заявление, уже завизированное директором завода Аббасовым. Я уже проверил эту информацию: в отделе кадров ещё лежало это заявление – вот оно.

Гусейнов взял в руки протянутый лист, внимательно посмотрел, но внезапно махнул рукой:

– Ну и что, Надир? Совпадение. Пожаром вообще не мы занимались, а районная милиция и прокуратура. Два факта, которые не имеют отношения друг к другу.

- Пока не имеют, майор.
- Ты поднимал материал по пожару?
- Ещё не успел.

– Представляешь, что нам скажут сверху, если это подтвердится, да ещё и нашими руками будет сделано? Я работаю, руковожу и воспитываю вас всех согласно своих звёздочек на погонах. А вот такие открытия могут привести к партийным выговорам и обвинению в халатности. Что я, как начальник УГРО не выявил связи пропажи пацана и пожара?

– Ты и не мог этого сделать, Давуд Исаевич. Ты не нервничай, сам же говоришь – пожаром мы не занимались. Какие к тебе могут быть вопросы?

Гусейнов не сомневался, что стоит капитану выйти с отказом из его кабинета, как об их разговоре станет известно всему отделу: не потому, что Мамедов болтлив, вовсе нет. Но это такой тип людей: они ни перед чем не останавливаются, если убеждены в своей правоте. И имеют привычку обсуждать неверные шаги руководства и отстаивать свою точку зрения в спорах, рождающих не только истину, но и служебные трагедии. И что тогда? Так, стоп, если дать совести проснуться, то теперь она уже не даст успокоиться. А он не собирается терять свой престиж и положение, которые всю службу собирал по каплям ещё с тех пор, когда днём и ночью бегал пешком ещё рядовым сотрудником милиции по районным сёлам, весь заляпанный грязью и потом. И потом, два года назад сам начальник милиции города просил его не ворошить сильно это дело с пропажей Исмаилова, других, серьёзных дел немало: кто он, в конце концов, такой, молодой бездельник, ну учился заочно в каком-то институте.

В дверь кабинета постучали. Увидев вошедшего старшего лейтенанта отдела Юсуфа Иманова, подполковник сел на своё место за столом и, кивнув ему, снова обратился к капитану:

– Просто ты бросаешься на эту работу, словно она тебе принесёт золотые горы. Мы уже трижды его приостанавливали. Ну, взвесь ещё раз, все твои рассуждения основаны на случайной фразе, брошенной стариком Исмаиловым в парикмахерской! Вот и Иманов пусть послушает, может он тебя вразумит, если старший по званию тебе не указ. Ты в курсе, о чем печётся твой друг? Посоветуй ему не ввязываться в авантюру, можно подпортить свою репутацию и всего отдела.

Сообразив со слов Гусейнова, что его друг Надир хочет вновь взяться за расследование дела об исчезновении молодого Гаджи Исмаилова, Юсуф незаметно подмигнул капитану, а капитану аккуратно заметил:

- Я считаю это дело бесперспективным.
- Вот видно, что ты знаешь цену нашему сыскному делу!
- Давуд Исаевич, но вы же его хорошо знаете. Он не очень хорошо вписывается в окружающий мир, но у него чутьё на разгадывание ребусов. А что-то нашлось новое по делу?

– Вот заявление Исмаилова о приёме на работу на хлопкоочистительный. Он должен был выйти на работу как раз в ночь пожара. Пока это всё, но думаю надо ещё раз поговорить со знакомыми парня, поехать на завод. Надо попробовать кого-нибудь наделать глупостей, думаю, в этом будет смысл, – убеждённо сказал капитан.

Майор слушал Мамедова, а сам размышлял: пресечь с этой его идеей сейчас, прямо в своём кабинете, отказав Надиру в производстве дальнейшего расследования, или отправить его к высшему руководству, заранее предупредив их об этом? А вдруг он пойдёт в прокуратуру, а там не в курсе? Да и старший лейтенант теперь видел это заявление о приёме на работу... Гусейнов за свою долгую службу научился быть тонким тактиком и мог, когда нужно, рубить сплеча, а мог и соглашаться – особенно если это ему это шло на пользу. Каждый из его многочисленных начальников обучил его умению из каждого удара по хребту по крупинке постигать азы такой премудрости карьерного роста, которая понемногу впиталась в кровь, помогала сжиться с непростой системой работы в органах внутренних дел. Как новый министр – так очередные перемены: штаты то сокращаются, то увеличиваются; то боремся

с одним злом, то переключаемся на другое. Он умело приспособился вовремя рассеять собравшиеся над его головой тучи, и сам мог так разнести сотрудника, что у бедняги тряслись поджилки. Но в этом кресле вожжи всегда были в его руках, и направить работу подчинённых в нужном руководству направлении удавалось без труда. Как, впрочем, и представить себя чуть ли не гигантом мысли, который, переварив безумную идею сотрудника, вытаскивал из неё оригинальную конструкцию, ложившуюся аккуратно в русло дела как по маслу. Но на него не сильно обижались те, кто ниже чином по одной причине – перед вышестоящим начальством он накрывал крылышком своих подчинённых.

Майор, быстро проанализировав ситуацию, обратился к Мамедову и Иманову:

– Ну и чёрт с вами, молодые бесенята. Катайте тогда этот клубок вместе, я с завтрашнего дня сам займусь отменой постановления о приостановлении, а у вас вдвоём есть месяц, работайте.

– Товааарищ майор, – жалобно взмолился Иманов, – я же к вам приходил насчёт отпуска. Летом не пустили, обещали зимой...

Гусейнов, приняв строгий начальственный вид, распорядился:

– Вот через месяц и пойдёшь! Тебе какая разница – ни жены, ни детей, а январь или февраль – разница небольшая. А так и товарищу капитану поможешь, и волыннить вместе с ним это дело не будишь: результат будет налицо. Давайте, работайте, копатели.

Старший лейтенант тяжело вздохнул, а капитан только обрадовался такому повороту событий.

08 ч. 01 мин. 31.07.1978 г.

Этим утром в длинном коридоре, где на каждой двери висели таблички, слышался негромкий шум. Немногочисленные задержанные с присматривающими за ними полицейскими и просто гражданами, стоя вдоль стен и опершись спинами на недавно окрашенную стену или сидя на скамьях, ожидали вызова. В конце коридора в сопровождении дежурного показался Франсуа Тома. Его изучающий окружающих взгляд и несколько щегольская одежда выдавали в нем «чужака». Одет в безупречно сидящий на нем двубортный коричневый костюм. Помыт, побрит, подстрижен и уложен, принаряжен – мечта любой невесты. Вот одна такая стоит у стены, немного вызывающе одета и перекрашена, как написанная картина маслом, и от неё несёт дешёвым крепким алкоголем. Тома слегка раздувал ноздри, что вполне объяснялось спёртым воздухом и толчеёй.

– Потрясно, красавец, да и только! А я тебя здесь раньше не видела! – раскрыла рот обалдевшая от его вида изумлённая «невеста», глядя на Франсуа как на неожиданно появившийся сюрприз из только что распакованной коробки.

– Это здесь, только подождите, – наконец-то указал полицейский на искомую табличку на одной из дверей с надписью «Помощник комиссара». Подождав минут пятнадцать, Тома всё же постучал в эту дверь и, заглянув внутрь, увидел сидящего за столом хозяина кабинета и обернувшихся на него нескольких мужчин, сидевших на стульях.

– Вы кто? – недовольно спросил у него помощник комиссара Эдуард Робер.

– Разрешите доложить, Франсуа Тома...

– Я знаю, – поморщившись, прервал его помощник комиссара. – Подождите, пока мы закончим.

Минут через десять ожидания в коридоре люди стали покидать кабинет помощника комиссара, обсуждая что-то на ходу. Оттуда выглянул среднего роста мужчина лет сорока пяти:

– Заходите, Тома. Помощник комиссара приглашает.

К входившему Франсуа Тома навстречу уже подходил Эдуард Робер, поздравившийся с ним за руку:

– Прошу простить, стажёр. Мне надо срочно уехать. А это инспектор Ален Моро, он вас введёт в курс дела, всё объяснит, будете работать с ним. Увидимся позже. Моро, займитесь парнем.

– Хорошо, помощник. Пойдёмте, новичок. Вам сколько лет?

– Двадцать один.

Они вошли в кабинет инспектора Моро. Это была комната размерами поменьше, чем у помощника комиссара, обставленная далеко не новой мебелью. Главным её украшением был тяжёлый дубовый стол, подаренный кем-то из «клиентов» инспектора, который обожал массивную мебель и с радостью принял лет пять назад в дар такой шедевр столярного искусства. Особенно его радовали запирающиеся выдвижные полки.

– Присаживайтесь, Тома. Вы уже нашли себе крышу над головой?

– Да, спасибо, инспектор. Я приехал в пятницу и успел снять квартиру.

– Весьма похвально. Помощник комиссара хотел поговорить с вами сам, но вы же видели... Поэтому он попросил пообщаться с вами меня. Надеюсь, у вас нет желания просидеть несколько месяцев в отделе по приёму заявлений от граждан?

– Я как раз хотел вас попросить направить меня куда-нибудь... поближе к оперативной работе, – улыбнулся Франсуа.

– Ну, ежедневных перестрелок и расследований с трупами я вам не обещаю, хотя в Марселе это не редкость. Поработаете с моими оперативниками. Работёнка будет самая разная.

– Конечно, инспектор.

– Тогда пойдёмте, я вас представлю нашим лейтенантам. У них найдётся место и для вас. Оперативники располагались в кабинете напротив. Туда они и направились. Лейтенантов в кабинете было четверо: Ноэль Бонне – тридцатитрёхлетний здоровяк с улыбкой Моны Лизы, если не обращать внимания на его усики; Феликс Мюллер – тридцатилетний рыжеволосый апатичный эльзасец; Дидье Джемба – двадцатипятилетний живой как ртуть араб-полукровка; Жан-Мишель Флери – его ровесник, отличавшийся от остальных своим предельным для полицейского ростом¹³ в метр шестьдесят и манерной речью.

– Я открываю дверь такси..., – рассказывал с увлечением и обольстительной улыбкой Бонне, когда двери кабинета открылись и на пороге появились Моро и Тома. – А, шеф, это вы! Заходите?

– Нет, я стою здесь за дверью полчаса и жду, когда вы со мной во второй раз поздороуетесь, – сыронизировал инспектор. – Ребята, знакомьтесь! Маленький подарок от босса – стажёр Франсуа Тома. Он будет работать с вами.

Ноэль Бонне, так же загадочно продолжая улыбаться:

– Добро пожаловать, Франсуа!

– Теперь трепещи, марсельский преступный мир! – это высказался Джемба.

– Надеюсь, теперь будет с кем поговорить не только о работе и женщинах, – серьёзно заметил Жан-Мишель Флери.

Рыжий эльзасец промолчал. Инспектор подытожил:

– Вот этот стол у окна свободен, можете его занять. Не накидывайтесь на стажёра. Начните с чего полегче и не разрывайте его на части между собой. Мюллер, начнём с тебя – сегодня он твой.

– Да, инспектор, не переживайте, – кивнул эльзасец.

– Удачного старта, Тома, – пожелал инспектор Моро, собираясь выходить. И заметил оперативнику, – Дидье, зайди ко мне через четверть часа. Поболтать успеете ещё, а теперь за работу! Или вам нечем заняться?

– Шеф, мы уже! – вытянулся в струнку Джемба, и когда инспектор вышел – подмигнул Тома, – Любит он напустить на себя строгость, а так – добряк абсолютный.

– Это правда, – подтвердил Бонне. – Но только если вкалываешь на все сто!

– Я это учту, спасибо, – ответил Тома.

– Для начала покажи себя старательным – он это оценит, – вставил Мюллер. – Да и я тоже.

Джемба тут же съязвил:

– Он пришёл сюда поучиться и работать, а не отрабатывать с тобой супружеский долг, хотя у тебя и право первого дежурства с ним, Феликс.

– Нам его характеризовать патрону, так что я и даю ему сразу понять как себя вести, Дидье. Кстати, инспектор вызвал тебя, но я бы советовал вам всем отправиться к нему вместе.

– Это зачем? – вскинул брови Джемба.

– На тебя написал жалобу хозяин гостиницы «Приз». Вы же в последний раз были там все вместе. Потом расскажешь, чем всё кончилось. А мне будет приятно послушать от ребят – как ты выкручивался.

– Вот он урод! Интересно, что он там написал, ты не видел? Мне плевать, но всё же интересно.

– Не обращай внимания, Дидье. Ты просто кричал на него больше нашего, – успокаивал его Флери. – Ноэль, ты не закончил свою историю с очередной дамой.

– А на чём я остановился?

– Ты направился к такси, и?

---

¹³ Во французскую полицию до 2010 г. не брали на службу лиц с ростом меньше 160 см.

– А, да, я запрыгиваю в машину с дороги, а она с тротуара. Водитель, весёлый малый, кстати, Дидье, твой соплеменник, смотрит на нас в зеркало заднего вида и спрашивает: «Будете тянуть жребий, или кинете монетку?» А сам ржёт – не может. Мы, конечно, расхохотались, и стали выяснять, кому куда ехать. Оказалось, мы оба собрались в клуб «Кактус». Ну, я смотрю – девчонка ничего, можно и откупорить. Ну и вместо того, чтобы выкинуть её из такси, я галантно стал её расспрашивать, раз уж мы едем в одно место: она собралась туда одна или с кем-то. Говорит, что одна. Я и предложил ей потусоваться вместе. Чувиха немного поартачилась, но я-то играл джентльмена!

– И как джентльмен ты навешал ей лапши на уши? – язвительно спросил Жан-Мишель.

– Малыш, ты же меня хорошо знаешь! Мы ехали почти полчаса через три округа в субботний вечер, надо же было украсить свой портрет жупелами основательно. Что я ей там наплёл, я сейчас не помню. Единственное, о чём я тогда пожалел, как и во всех других подобных случаях, так это о том, что мои родители не позаботились дать мне какое-нибудь двусложное имя, ну вот хотя бы как у тебя!

– Тебе нравится моё имя, Толстяк?

– Нет, но моё мне не нравится ещё больше! Если бы вместе с моим именем они бы выродили меня таким же коротышкой, как ты, то я бы просто застрелился. Извини, ничего личного, Жан-Мишель! – парировал Бонне. – Но Ноэль¹⁴! Чувствуешь себя Дедом Морозом. А вот если бы меня назвали каким-нибудь составным именем с дефисом посередине, а у моих предков ещё бы была дворянская частица! Я читал в одной исторической книжке про одного нашего соотечественника-графа, уехавшего потом на время в Россию и получившего там неплохую должность и богатые земли. Тяжело с именем Мари-Габриэль де Шуазель-Гуфье¹⁵ быть незамеченным императорами и женщинами!

– Ты сегодня в полном ударе, Ноэль, – заметил ему Феликс. – Отцу успел пожаловаться на своё недворянское происхождение?

– А ему уже всё равно. Его уже не интересуют ни императоры, ни женщины.

– Так ты успел погладить её хотя бы по бедру уже в такси? – поинтересовался Дидье.

– Ты понимаешь, мой арабский друг, там я не наглел и ещё старался сохранять дистанцию и романтический налёт. Но кому из вас пришлось ехать в марсельском такси с водителем «аля Джемба» и не почувствовать на себе прелесть некоторых марсельских поворотов? На одном из них моей новой знакомой пришлось схватиться за мою правую руку и её скрутило так, что мне пришлось ловить девичье тело по всему салону. На лету мне удалось ощупать содержимое верхней части её белья и удостовериться, что там всё в порядке. После такого восхитительного курбета я сделал замечание водителю, но так мягко, что он так и не понял: ехать ли дальше аккуратно или нет. Зато по приезду в «Кактус» я подал даме руку, открыв дверь такси с её стороны, и не отпускал до самой посадки за столиком.

– И что было потом? – спросил Мюллер.

– Увы, в этот день, кроме танцев – ничего, хотя моя рука успела славно погулять по её спине и окрестностям ниже! Но мы договорились встретиться на этих выходных.

– А она хоть красива? – это был Джемба.

– Достаточно для того, чтобы потратить на неё следующие выходные.

– Чёртова машинка, – Джемба решил выместить нервозность на пишущей машинке, каретка которой никак не хотела съехать по направляющей вправо после нажатий на букву «с». – Ты сдвинешься с места, или нет?

---

¹⁴ Пере Ноэль – французский рождественский Дед Мороз.

¹⁵ Мари-Габриэль де Шуазель-Бопре (1752 – 1817 г. г.), до Великой французской революции служил французским посланником в Константинополе, собирая и описывая греческие древности. В 1791 г. Шуазель, сменивший фамилию на Шуазель-Гуфье, выехал в Россию, где был назначен императором Павлом I президентом академии художеств. После прихода к власти Наполеона вернулся во Францию.

– Не насилуй старушку. Рапорт ты можешь подготовить и позже, после похода к инспектору, – заметил Бонне.

– Ты же пойдёшь со мной к Моро?

– Я подумаю над этим вопросом, – взметнулись вверх усики Бонне. – Конечно, если кто-нибудь угостит меня в обед бокалом хорошего вина...

– Вот так всегда! Шантажист. Не зря от тебя жена сбежала!

– Зато со мной остались мои верные напарники! Нет, просто я пытаюсь спасти твою машинку от нанесения ей телесных повреждений в состоянии аффекта. Попользуйся пока обычной ручкой, а машинку отдай в ремонт.

– В центральном комиссариате набирают специалистов-психологов для полицейских. Может, переквалифицируешься, Ноэль? – спросил с усмешкой Флери.

– Ладно, белые братья, – поднял тёмную не от загара руку Джемба, прерывая дискуссию. – Мне пора уже идти к инспектору. Кто со мной?

– Идём, идём.

Тома и Мюллер остались одни.

– Вот что мне нравится в этих парнях – они всегда готовы подставить друг другу плечо, – сказал Мюллер.

– Я это уже заметил.

– Ну что ж, давай знакомиться ближе. Надолго к нам?

– Пока на несколько месяцев. А вообще-то хотелось бы остаться и получить направление из школы в Марсель. Люблю юг, северные зимы не по мне.

– Я и сам здесь остался из-за климата, – согласился Мюллер. – Завоюй здесь авторитет, сработайся с ребятами, покажи себя настолько, чтобы помощник комиссара обратил на тебя внимание – он с этим поможет. Кстати, нынешний комиссар собирается на пенсию через год-другой, а наш Робер метит на его место. А эта должность уже другого уровня – ты полу-политик. И если и охотишься сам на кого-то со стволом в руках – это должна быть уж очень крупная дичь.

– Согласен, Феликс. А ты давно в Марселе? – поинтересовался Тома.

– Уже третий год. Ты бывал здесь раньше?

– Нет, не доводилось.

– Тогда давай я тебе начну показывать город изнутри. Здесь недалеко. Ты уже оформил свои документы?

– Ещё не успел.

– Поступило одно странное заявление, надо его отработать. Побольше смотри и слушай, поменьше говори. Вопросы будешь мне задавать, когда останемся одни, чтобы не спугнуть граждан. Оружие и бронежилеты нам, надеюсь, сегодня не понадобятся.

Идти действительно пришлось недалеко. Они поднимались вверх по этажам одного из домов по лестнице.

– Сильно не отставай, стажёр, а то пропустишь все нюансы, – подгонял Тома лейтенант-оперативник. – Здесь не заминировано, но на нашей работе ухо надо держать остро круглосуточно.

– Я иду след в след, Феликс, – ответил поднимающийся за ним Тома. – Просто лестница крутая и узкая.

Они не успели подняться на площадку третьего этажа, как открылась дверь одной из квартир и стариковский голос тихо спросил:

– Господа, вы из полиции?

– Вы угадали, – отозвался Мюллер. – Мсье Гарнье? Это вы звонили с утра пораньше?

– Да, и я же жду вас уже более получаса!

– Так в чём дело? Может, вы пустите нас в квартиру, чтобы мы не шептались с вами на лестнице?

– Да, входите. Могу я взглянуть на ваши документы?

Мюллер достал из кармана своё удостоверение и жетон. Удостоверение он показал хозяину квартиры, жетон – незаметно вложил в руку Тома и подмигнул ему.

– Вы предусмотрительны, и это правильно. Вот моё удостоверение, я лейтенант Мюллер, а это – лейтенант Тома. Так в чём дело, собственно?

– Видите ли, я живу один. И в соседней квартире тоже одна жилица, молоденькая девушка. Не то чтобы красавица, но и не дурнушка.

– Мы не из службы знакомств, мсье Гарнье, – Мюллер решил его поторопить. – Объясните поскорее, для чего вы нас вызывали.

– Нууу, она всегда была одна. Вы понимаете. Никого не приводила к себе. Вчера около девяти вечера она ушла – я это случайно увидел в глазок входной двери. И её не было всю ночь!

– Вы что, всю ночь дежурили возле своей двери?

– Нет, но у меня зрение слабое, а вот слух сохранился отменный, а дверь её квартиры ужасно скрипит, когда она её открывает. Вы же не думаете, что я слежу за ней?

– Надеюсь, что это не так, – кивнул оперативник.

– И ещё. У неё тоже стоит телефон, но не как у меня – в комнате, а рядом со входной дверью. И когда он звонит, или она разговаривает по нему – мне всё слышно...

– Но вы, естественно, не слушаете, о чём она говорит.

– Нет, ну что вы! – старик поискал взглядом глаза молчавшего Тома, словно искал в нём поддержки. – Но после её ухода телефон в соседней квартире трезвонил настойчиво раз десять. Что только подтвердило мою догадку, что её там нет.

– Как зовут вашу соседку?

– Бернар, Анни Бернар. А утром, около семи утра...

– У вас бессонница?

– Возраст, молодые люди, возраст, – посокрушался Гарнье. – Так вот, утром я случайно выглянул в окно, которое выходит на улицу и увидел, что в наш подъезд зашла какая-то незнакомая мне дама...

– ...после чего вы быстро перебежали от окна в комнате к своей входной двери и убедились, что незнакомка зашла в квартиру мадмуазель Бернар! – продолжил за него Мюллер.

Гарнье взглянул на него почти восхищённо:

– От вас ничего не скроешь!

– Я понял причину вашего беспокойства, мсье Гарнье, – усмехнулся рыжий оперативник. – Пойдём, Тома, проверим кто там. А вам мы весьма благодарны за вашу бдительность, особенно сегодня, когда страна переживает непростые дни!

– Это мой долг, господа офицеры, – выкатил грудь колесом старик, поблёскивая стекляшками очков.

– Тогда мы выходим, а вы плотно закройте за собой дверь и не забудьте повернуть ключ в замке. На всякий случай. В перископ вашей двери и при наличии такого острого слуха информации о нашей операции у вас и так будет достаточно.

«Молодые люди» вышли вновь на лестничную площадку и Мюллер уже собирался нажать на звонок соседней двери, но, словно вспомнив что-то, громко прошептал:

– Закройтесь на ключ, мсье Гарнье! – после чего моментально щёлкнул замок в двери старика.

Можно нажимать на кнопку звонка! Первое дело с участием стажёра Франсуа Тома завершилось этим фактом проверки: молодая хозяйка этой квартиры, Анни Бернар, просто ночевала не дома, забыв или не пожелав предупредить об этом свою мать, которая и приехала из Пюжо под Авиньоном самым первым утренним поездом к дочери, обеспокоенная тем, что не смогла

пожелать студентке «спокойной ночи» по телефону. Впрочем, та появилась дома через четверть часа, но Мюллер и Тома, удостоверившись, что с мадемуазель всё в порядке, поспешили оставить Бернаров одних, и семейные разборки происходили уже без участия полицейских...

09 ч. 28мин. 22.10.1979 г.

Он опаздывал, а потому ускорил шаг. В папке он нёс проект заключения группы органа партийно-государственного контроля о состоянии хлопчатобработывающей отрасли в республике. Он понимал, что опоздание вызовет недовольство заведующего отделом текстильной промышленности в Совете Министров Азербайджанской ССР Валида Мурадовича Ханларова, но ничего не мог поделать – машина сломалась, и ему сначала пришлось докатить автомобиль до тротуара и оставить на произвол судьбы, а потом долго ловить свободное такси.

Город в послевоенное время стал строиться с необычайным размахом. Сохранив в кое-где островки местечек с узкими улицами, Баку размахнулся вширь вдоль моря новыми проспектами, застроившимися красавцами-домами. Не обошлось и без хрущёвок, но это было данью времени. Транспорт мчалась по широким магистралям, обсаженному с обеих сторон молодыми деревьями – зелёных посадок и парков городу всегда не хватало.

В коридоре здания Совета Министров, прямо над ящиком с громадным фикусом, настенные часы показывали половину десятого. Здесь и в дневное время горело много ламп. На стенах висели многочисленные портреты членов ЦК – союзного и республиканского значения. Длинные коридоры из хорошо уложенного паркета мерцали блеском и пахли свежей мастикой. Идти приходилось по какой-то ткани, кажется, это была парусина, покрывающая ковровую дорожку. И хотя этот путь у людей, попадавших сюда впервые, вызывал ощущение чего-то таинственного, сам он не испытывал никакого волнения: эта дорожка тоже привыкла к его нередкому появлению здесь.

В приёмной Ханларова уже сидело несколько человек. Они все ему были знакомы. В обычной жизни Баку представлял собой очень красочную смесь нравов, обычаев и языков, с преобладанием всё же восточного простодушного юмора и шумной театральностью, практически даже пантомимой, в которой многим чувствовалось уютно и достаточно раскрепощено. Если только это не было связано с партийно-государственными отношениями.

– Доброе утро, товарищи!

– Доброе.

– Товарищ Арутюнов, вас Валид Мурадович спрашивал уже. Я сейчас доложу, – строгим голосом и с соответствующим выражением лица немолодая секретарша Алёна Михайловна зашла в кабинет заведующего. Как только за ней закрылась дверь, один из ожидавших подошёл к Арутюнову и хлопнул его по плечу. Этому гиганту даже не пришлось для этого поднимать руку – он просто приподнял её до пояса, потому что удостоенный этого знака почти дружеских отношений был совсем невысок – «метр с кепкой», как тогда говорили.

– Ты чего такой невесёлый, Лёва? Дыши глубже и всё пройдёт! Выскажись, облегчи душу.

Арутюнов, переложив толстую папку из одной руки в другую, со вздохом закинул голову наверх, чтобы дотянуться взглядом до глаз гиганта и произнёс:

– Я бы высказался, но ты же знаешь: болтун – находка для шпиона.

– А я больше всего боюсь молчунов.

Вышедшая секретарша прервала их беседу:

– Товарищ Арутюнов, проходите.

Лёва, человек невысокий и отнюдь не худощавый, поправил галстук, посмотрел скорбным взглядом на свою папку и направился по ковровой дорожке в кабинет, где на пороге поздоровался и направился поближе к столу, за которым восседал его хозяин.

– Присаживайся, Левон Сергеевич, – он жестом указал Арутюнову на стул поближе к себе. – Ты чего так задержался? Мне пришлось даже планёрку перенести на час.

– Извините, Валид Мурадович, машина сломалась. Бросил на улице и уже на такси к вам.

– Ты же её полгода как купил? Ладно, аллах с ней, с машиной. У нас всё могут испортить. Рассказывай, как твои ревизоры поработали? Есть успехи у наших хлопкопереработчиков?

– Работа была непростой, Валид Мурадович. Есть и передовики, есть и отстающие. Сами знаете, проблем в отрасли много. Вот здесь папка со всеми выкладками. Практически всё готово, посмотрите и если одобрите, то мои товарищи все подпишут.

– Погоди, – Ханларов посмотрел на него, будто что-то вспоминая и перебирая документы из открытой папки. – У вас же проверка должна была быть завершена только через две недели?

– Всё верно, только я решил не кататься по всем предприятиям полным составом, а разбил сотрудников по группам. Каждая группа получила свой список объектов, а я объезжал их всех по всей республике. Группировал результаты самостоятельно. И потому видел всё как есть, а не как должно быть.

– Знаю, знаю, – пробурчал Ханларов. – В твоих отчётах в двух предложениях всегда найдётся место для десятка партийных оргвыводов и трёх уголовных дел. У нас в республике каждый четвёртый гектар под хлопком и всё это доверили тебе проверять. Я по цифрам пробежусь в полглаза, а ты пока опиши мне общую обстановку.

Лёва вытер платком пот со лба. При такой жаре даже два вентилятора не спасали:

– В республике на сегодняшний день триста восемьдесят пять колхозов и сто сорок шесть совхозов занимаются хлопководством. За последние два года увеличилось число за счёт новых оросительных каналов, новые рукава протянули от Верхнеширванского, Верхнекарабахского и Самур-Апшеронского.

– Что с главными экономическими показателями?

– Хлопок даёт в каждом хозяйстве от 45 до 85 процентов денежных доходов. По республике – средняя цифра 55 процентов. Основная масса их, как и раньше, находятся в Кура-Араксинской низменности и Приараксинском районе, включая Нахичеванскую Автономию.

– Урожайность?

– По документам – около 16 центнеров с гектара.

– А в действительности?

– Вот это самое интересное. Там где председатели занимаются приписками – на пару центнеров меньше; а там, где они продают его «налево» – на пару центнеров больше. Кому в какую игру больше нравится играть.

– Значит, первые приписками воруют государственные деньги за чистый воздух, а вторые воруют хлопок и получают наличку? Тебе что заказать, чтобы принесли: чай или минералку холодную? – спросил заведующий, готовясь нажать на селектор связи.

– Лучше чай, Валид Мурадович, а то выйду от вас на улицу – с меня вся минералка скатится потом.

– Алёна Михайловна, принесите нам холодной минералочки и чай. Подождите, – крикнул Ханларов и переспросил у Лёвы. – Чёрный, зелёный чай?

– Чёрный, Валид Мурадович.

– Слышала? Чёрный.

– Да, Валид Мурадович, минутку.

Заведующий отключил селектор и продолжил шелестеть документами:

– Это что за таблица?

– А, эта... В одной из групп у меня новый сотрудник, до этого работал в каком-то институте, хороший специалист. Он самостоятельно произвёл расчёты, из которых видно, что производство хлопкового волокна в среднем по республике обходится в несколько раз дороже, чем искусственные, синтетические и даже вискозное штапельное – с меньшими капитальными затратами. Даже строительство заводов по производству шерстеподобного волокна нитрона обходится дешевле, чем создание хлопководческих совхозов и хлопкоочистительных заводов.

– Ну, это мы с тобой и без всяких занюханных специалистов знали. Что тут удивительного?

– Там на следующей странице он приводит расчёты: если колхозы и совхозы будут свозить сырьё не по присылаемым разнарядкам, а по предлагаемой им схеме, то республика сэкономит за месяц перевозки урожая хлопка несколько составов топлива и за счёт этого снизится и его себестоимость раза в полтора.

– Серьёзно, ты проверял? Как такое может быть?

– Средний пробег транспорта с хлопком по республике от поля до завода – семьдесят километров. По его предложению – будет около пятнадцати. Из Нахичевани даже через соседнюю Армению везут хлопок на наши заводы.

– Ну, знаешь ли, умник нашёлся! Вам надо было ревизировать на местах, а не ссорить меня с Госпланом и Министерством транспорта! Пощупай его, что за человек этот твой умник, а то насчитает нам на нашу голову, а потом ещё кляузами забросает в Москву.

– Хорошо.

В дверях показалась левая рука с большим подносом с чаем, бутылкой минералки, запотевшей от холода, розетками с мёдом и другими сладостями, затем грудь, а потом и вся Алёна Михайловна. У неё была великолепная грудь, и можно было сказать, что она именно ей проложила себе дорогу в жизни из первой в карьере приёмной к кабинету Валида Мурадовича во все его остальные. Ей недавно исполнилось сорок четыре, и она каждый день, учитывая занятость заведующего, оставалась с ним допоздна для любой надобности.

– Спасибо, дорогая. Поухаживай за нами, – с удовольствием посмотрел на неё заведующий, проводив взглядом её до самого выхода из кабинета.

– Лёва, будешь в таком кресле как у меня, не забудь совета старика: в приёмной должна сидеть прежде всего хорошая хозяйка, а не любовница! Хотя одно другому не мешает, – улыбнулся Ханларов. – Или, у вас, армян, может другое мнение?

Арутюнов решил скромно отмолчаться.

– А это что за список в конце у тебя? – заведующий помахал листом, на котором рукой Лёвы были написаны фамилии, против каждой из которой стояли какие-то цифры.

– Это списки председателей колхозов, которые явно продавали хлопок без документов на заводы. Под чертой – фамилии директоров заводов, которые такой хлопок покупали за наличные. Я бы продолжил этот список руководителями текстильных фабрик, аптек, верёвочных артелей и подпольных цехов, куда поступал их товар дальше, но передо мной такая задача не ставилась. А цифры – это «левак» в тоннах.

– Ага! – заведующий долго изучал этот последний лист, потом поднял глаза на Арутюнова. – Сам считал?

– Свёл воедино всё сам. Я отдельно сделал подробный расчёт для директора хлопкоочистительного в Кировабаде.

– Это кто у нас там? – Ханларов стал искать на столе телефонный справочник для внутреннего пользования, но Лёва его опередил.

– Аббасов Фархат Джевдетович.

– Да, как же, помню, уважаемый в своём городе человек, ко мне приезжал года три назад, просил о чём-то для завода, уже не помню. Его и грамотами не раз награждали, даже кажется орденом. Ладно, не важно. И что на твои выкладки ответил этот Фархат?

– Он для начала поюлил, но когда я его прижал к стенке сравнениями показателей за три последние года, расчётами и письменными объяснительными руководителей некоторых колхозов и совхозов, которые я решил пока не прикладывать к этой папке, он попросил меня дать ему тот список, что у вас на столе и ещё пояснить ему, в каких пропорциях пересчитать указанные там суммы. Он пообещал всех руководителей из списка объехать сам и встретиться

затем со мной. Я и решил показать всё это вам пораньше, чтобы вы могли принять решение по списку.

Ханларов насупил брови. Потом наклонился к Лёве и жестом показал ему: придвинься поближе. Шёпотом сказал:

– Один мой знакомый, очень авторитетный человек в нашей республике и не только. Так вот, он в начале месяца поехал отдохнуть в Кисловодск, и заодно там был приглашён на собрание таких же уважаемых людей со всего Союза. Туда же приглашали таких как Фархат. Это как у нас – производственники и партактив. Только партактивом были воры, из тех, кого все побаиваются. На общем собрании они и приняли решение для фархатов: платить им взносы в воровскую кассу из расчёта десяти процентов. Но мы-то люди ответственные, наделённые полной властью в стране. Значит, за свои подписи на документах получать меньше воров не можем. И у нас начальство своё есть – и в нашем родном Баку, и в Москве. Мы же их не можем обидеть. Объясни это Аббасову, но так, чтобы он не столько обрадовался твоему предложению, сколько бы опасался поступить по-другому. Понимаешь, Лёва?

– Я всё понял, Валид Мурадович. Но мне будет нужен звонок из ЦК начальнику милиции Кировабада. Только не от вас. Желательно от человека из спецотдела, с погонами. Чтобы меня приняли сегодня вечером с распростёртыми объятиями, но не ждали от меня откровенных бесед о цели приезда.

– Это тебе зачем?

– Я таким способом дожду Аббасова, чтобы долго не объяснять сейчас.

– Организую.

– Ну что, – уже нормальным голосом попытожил заведующий отделом. – Завершайте тогда работу, подводите итоги. Нерадивых накажем, остальных поощрим, но не забывайте, товарищи, что вы несёте большую ответственность за итоги своей проверки. И в сроки проверки уложите, не смотря ни на что! Спасибо, что заехали, товарищ Арутюнов, поставили в курс дела. Да, и папку свою захватите. И передайте Алёне Михайловне, что планёрка будет через пять минут.

Это уже вдогонку выходящему Лёве, но так чтобы было слышно через открытую дверь, ведущую в его приёмную, где уже слышался шум от собравшихся сотрудников. Двери приёмной то и дело открывались, а Арутюнов, прижимая к себе заветную папку, направился к механикам гаража Совмина республики – пора было вспомнить и о ремонте брошенных на улице «Жигулей».

Пока подъехавшие двое ребят из гаража ковырялись под капотом его машины, Арутюнов на такси поехал к ближайшей междугородней телефонной станции и попросил его соединить с номером в гостинице «Баку». Минут через десять его пригласили в кабинку с телефоном:

– Алло! Тофик, ты?... Да, спасибо. Как там у вас, ещё много работы?... Да, я знаю. Вы там сильно лошадей не гоните, и так идём быстрее графика. Отдохните, погуляйте по городу, в старом городе Гянджа¹⁶ тоже есть куда сходить, и девушки там не хуже бакинских... Хорошо-хорошо. А пока съезди на завод, передай директору, что я буду его ждать завтра в десять в своём кабинете... Да, он уже был у нас. И пусть захватит с собой документы из бухгалтерии за период за сентябрь и до ноября 77-го года... Бухгалтер? Нет, пусть приезжает один. Всё, давай. Нет, погоди. Передай ему, что я, может, и опоздаю, но приеду сегодня сам, пусть дожждётся меня с этими документами хоть до глубокой ночи, хоть до утра. Вот теперь всё.

Он вернулся вновь к своей «шестёрке». Ребята из совминовского гаража просто молодцы – машина была на ходу.

---

¹⁶ Гянджа – нынешнее и предыдущее название города Кировабад в Азербайджане.

– Топливный фильтр засорился, даааа. Заправки у нас – сами понимаете, товарищ Арутюнов, – сказал один из них, вытирая пот со лба. – Хорошо, у нас есть запас запчастей на любую модель, спишем как-нибудь, даааа.

– Спишите, куда вам деваться, – улыбнулся Лёва на это протяжное «даааа», которым грешили многие в республике, и, засовывая синюю пятирублёвую бумажку в карман механика, – но шашлычка хорошего хоть поешьте за это.

– Что вы, товарищ Арутюнов, – пытался отпираться от такой благодарности механик, но видя, что Арутюнов будет настаивать на своём, поблагодарил. – Спасибо. Заезжайте к нам в любое время, всегда будем вам рады. И без этого, даааа, – он хлопнул по карману с пятёркой.

Арутюнов сел за руль, приветственно посигналил механикам и поехал по улицам благословенного Баку, направляясь в Кировабад. 360 километров, за пять часов добраться можно. А то и быстрее – с его удостоверением инспекторы ГАИ не страшны.

Арутюнов всегда тщательно готовился к любым проверкам, на которые его посылал ЦК республики. Он, экономист по образованию, не чурался учиться всю свою жизнь: от посадки пшеницы до строительства и эксплуатации аэропорта. Везде свои нюансы, свои технологии. И не смотря на то, что в стране в каждой отрасли существовали на всё свои стандарты, нормы – сообразительные люди везде находили возможность покормиться, отщипнуть крохотную крошку от большого государственного каравая.

Когда только готовился приказ о назначении его старшим в группе контролёров для ревизии хлопководческой отрасли Азербайджанской республики – а это было за три месяца до начала проверок – он стал тщательно изучать литературу по хлопководству и обрабатывающей промышленности. Стал наезжать и по местам предстоящих проверок. Оформлялись эти поездки командировками по ничему не значащими для принимающей стороны поводам. В августе он попал в Кировабад, второй по значению город республики.

Здесь с древних времён осталось немало исторических кварталов и построек. Остатки крепостных стен, башен, мостов, мавзолея Низами¹⁷ – настоящих символов древнего Гянджи. Было бы только время любоваться этими гениальными творениями древних строителей, складывавших обычные камни в необыкновенные шедевры!

Но где взять на это время? Бог знает, куда нас вести и как устраивать отдельно взятую человеческую судьбу, но никогда нам не указывает при этом в пути на те мелочи, в которых и прячется демон. Командировка была оформлена в связи с поездкой в редакцию местной газеты «Кировабадский коммунист». Его знакомая заведовала отделом писем, поэтому сразу после обязательной встречи с редактором газеты, он и направился к Алле Магомаевой.

– Лёвчик, здравствуй, – услышал он позади себя её голос в коридоре.

– Привет, Аллочка, привет, звезда востока! О, а наша звёздочка округлилась!

– В моём положении это звучит как комплимент, – улыбнулась Магомаева, чмокая его в щёку. – Я на шестом месяце!

– Ну, я потерплю с поздравлениями месяца три, так уж и быть, – рассмеялся Арутюнов. – Кого ждём на этот раз?

– Аааа, муж сказал – без сына из роддома можешь не возвращаться, – пошутила цветущая от своего положения женщина – ей шла беременность. – Ты к нам, или просто в гости забежал?

– Когда это было, чтобы я заехал в Кировабад, а к тебе не зашёл?

– Алла, вас к телефону, – раздался чей-то голос в конце коридора. – И кто это вас обнимает? Кажется это не ваш супруг!

– Марина, это же мой Лёвчик приехал, не узнаешь? Я иду!

---

¹⁷ Низами – (около 1140 – 1209 г. г.) литературный псевдоним классика персидской поэзии, полное имя – Абу Мухаммад Илиас ибн Юсуф ибн Заки Муайад. Крупнейший поэт-романтик средневекового Востока и персидской эпической литературе, привнесший в персидскую поэзию разговорную речь и реалистический стиль. Родился в г. Гянджа, который в период жизни Низами находился в составе Сельджукской империи.

Марина Неёлова работала секретарём в отделе у Магомаевой, и Арутюнов ей тоже уже был знаком. Высокая русоволосая девушка пошла к ним навстречу:

– То-то я удивилась, кто это посмел мою начальницу за талию тронуть? Здравствуйте, Левон Сергеевич.

– Здравствуйте, Маша. И ещё я даже чувствую уверенность в себе, когда она опирается на мою руку, как сейчас. Не красней так, Аллочка, мы все знаем, что ты у нас добрая и ласковая, можешь даже не пытаться хмуриться. Маша, я просто решил измерить – на сколько сантиметров её талия изменилась с моего последнего приезда. Давно не обнимал беременных женщин, тем более университетских подруг.

– Можно подумать, тебя это когда-то останавливало! А твоя Аида не собирается третьего рожать? У вас два пацана, пора бы и дочь заиметь! – сказала Алла, уже добираясь до телефона в своём отделе.

Лёва показал ей на трубку – поговори по делу, потом продолжим. Тихонько поздоровался за руку со всеми остальными работниками отдела писем. Он и их всех знал – люди здесь менялись не часто. Когда телефонный разговор Аллы был завершён, Арутюнов отвёл её к отдалённому столу:

– Я всё-таки здесь по делу.

– Знаешь, а я как-то и не сомневалась. Оказывается, быстрая карьера однокашника плохо сказывается на его свободном времени.

– Я знаю, Аллочка, но что поделаешь? Когда мы сможем поговорить?

– Прямо сейчас и начнём. Что тебя интересует, какая сторона многогранной жизни советского человека?

– Меня интересуют хлопок и всё, что связано с его производством.

– Почему тогда наш отдел, может, лучше к производственникам отведу? Или тебя интересуют кляузы на хлопкоробов?

– Нет, там они будут располагать только официальным материалом, а у меня несколько другая специфика, ты же знаешь.

– Что-нибудь свежее подобрать, или будем начинать с архива?

– Меня интересует материал где-то с 75 года.

– Ого, это серьёзная работа. Но я сама уже не выдержу необходимых тебе усилий, – женщина подняла руки и ласково погладила свой солидный животик.

– — Кого посоветуешь, с тем и побеседую, Аллочка. Я же не садист, чтобы мучить тебя и ребёнка.

Магомаева взяла его за локоть:

– Я знаю, кто тебе нужен. Самед, будь добр, подойди сюда!

К ним подошёл Самед Гасаноглы, парень лет двадцати семи, темноволосый, с типичными для республики усиками тех времён.

– Да, Алла-ханым!

– Какая я тебе «ханым»¹⁸, Самед! Никак его не могу избавить от этой привычки, Лёва, – пожаловалась ему со смехом Магомаева. – У нас газета как называется? Он и на партсобраниях меня величает «товарищ коммунист Алла-ханым»!

– Парень тебе уважение выказывает как женщине и начальнику, на что тебе обижаться? – улыбнулся Арутюнов.

– А ну тебя! Так, Самед. Поручаю тебе товарища Арутюнова, ты его уже видел. Он работает в аппарате ЦК партии, на большой должности. Приехал к нам из Баку, его интересует жизнь наших жителей – и города, и района – как бы изнутри, не по парадным статьям нашей

---

¹⁸ Ханым – (азер.) почтенная, уважаемая (женщина).

газеты за последние четыре года. Особенно его интересуют хлопкоробы – чем живут наши труженики, на что жалуются.

– Алла-ханым, – приподняв левую густую бровь, возразил Гасаноглы, – но ведь все письма, на которые было необходимо отреагировать, у нас забирают в другие отделы. Их отбираете сначала вы, а потом главный редактор.

– А ты точно определила мне нужного человека из всего отдела, – рассмеялся Лёва. – Самед, где мы сможем расположиться, чтобы остальным не мешать?

– Самед, иди в архив, вот тебе ключи, а мы тебя догоним, – скомандовала Магомаева.

– Вот тебе и простачок Самед! – заметил Арутюнов, глядя в спину уходящему парню.

– Парень точно не глуп и сможет тебе помочь не хуже меня. Он служил в армии, потом у себя в селе работал именно на хлопковых полях, поступил заочно в технологический, а пока что почему-то застрял у нас. Я вас оставлю в архиве, там тихо, никто не помешает и весь материал будет под рукой. Вот только захвачу с собой журналы входящей корреспонденции, чтобы вам было удобнее.

– Это для тебя уже большая тяжесть, – перехватил у неё из рук Арутюнов толстые рукописные журналы. – Пойдём, доведёшь меня до вашего архива, а я тебе пока свежий анекдот расскажу.

– Политический?

– В ЦК и Совмине они самые распространённые. Кстати, про хлопкоробов. Ну, так вот, слушай. В одном из наших сёл собрались работники райкома партии..., – прислушавшиеся работники отдела, к их глубокому сожалению, расслышали только это начало крамольной истории – Магомаева и Арутюнов скрылись за дверью в коридоре.

Они спустились в цокольный этаж здания редакции, где и находилась дверь с надписью «Архив» на русском и азербайджанском языках.

– Фух, мне уже и спускаться по лестнице стало тяжело, Лёвчик, а теперь обратно подняться надо, – тяжело дыша, опустилась на первый попавшийся стул Алла. – Я отдышусь, а ты пока дорасскажешь мне анекдот.

– Может мне проводить тебя обратно? – спросил Лёва.

– Нет, мне это даже полезно. Давай, трави дальше. Самед, а ты пока закрой ушки! – пошутила Магомаева.

– Ну так вот, а хлопкороб и отвечает секретарю: «Так ведь корову где-то пасти надо, а как это сделать, если у нас в совхозе хлопок чуть ли не до ворот дома сажают? Корова – это вам не ГАИ-шник, чтобы её у асфальтовой дороги привязать, а она при этом и толстеть будет, да ещё и молоко давать».

Алла от души рассмеялась, придерживая свой животик, махнула на Лёву рукой:

– Ну тебя, шкодник!

– А неполитический анекдот послушаешь?

– Нет, – вскочила на ноги Магомаева. – Иначе я и до туалета не добегу! Вот тебе архив, вот тебе Самед – их и мучай дальше. Всё, я наверху.

– Сколько я тебя знаю, ты всегда мне отказываешь, и во всём! – засмеялся и крикнул Лёва ей уже вдогонку.

– Нахал! – раздался Аллин голос уже за дверью.

В архиве было темновато, хотя и горел свет. Экономии на электричестве – здесь всё равно никто не задерживается надолго. Воздух спёртый, сухой из-за того, что проветривали помещение не часто. Человеку с улицы сразу ударял в нос тяжёлый запах хранимых бумаг. Сейчас в архиве, кроме них двоих, никого не было.

– Самед, – обратился Арутюнов к парню, пока не очень понимающему, чего от него может хотеть этот бакинский партработник. – Меня интересуют обращения граждан примерно за последние пять лет, которые напрямую или косвенно связаны с нашим хлопководством

и теми предприятиями, которые потом этот собранный хлопок используют. Но хлопок – это вещь, продукт, а меня интересуют люди, которые с ним связаны. Понимаешь примерно, какой материал в письмах в вашу редакцию меня может заинтересовать?

– Судя по тому, как я это понял – проблемы в этой отрасли и с работающими там людьми, которые не получили должной реакции ни в нашей газете, ни в партийных или государственных органах.

– Я бы и не смог точнее сформулировать, – удивился Арутюнов. – Тебя комитетчики к себе на работу ещё не приглашали? И такой кадр работает в отделе писем третьей степенной газеты! Шучу, шучу. У вас здесь все такие... сообразительные?

– Спасибо, – с улыбкой ответил парень.

– Тогда дай-ка мне подшивку вашей газеты за осень прошлого года, а сам попробуй мне подготовить подборку материалов, которые меня могут заинтересовать. Алла мне сказала, ты и сам работал на хлопковых полях? – спросил Арутюнов, устраиваясь с плотными пачками газет, прошитых и закреплённых вместе с одной стороны деревянными планками.

– Да, – отозвался Самед, – хлопок – это моя любимая сельхоз культура.

– Странная любовь! А почему, скажем не пшеница? Или гранат?

– А это с тех пор, как родители мне купили первые джинсы за 200 рублей при общей их зарплате в 310 рублей. Какие джинсы могут обойтись без хлопка? Это родилось из чисто потребительского любопытства. Я даже кучу книг прочёл – сначала о том, как появились эта «капиталистическая зараза» в Америке, а потом – по технологии изготовления. От посадки зерна хлопчатника до пошива. А я знаю, как всех желающих одеть в такую одежду по цене в тридцать рублей – и молодёжь будет довольна, и страна получит с каждой пары брюк доход в пять рублей. Вот ваши дети просят у вас купить им джинсы?

«Хлопкоробы крупнейшего в Азербайджанской ССР Бардинского хлопкосеющего района и наши местные колхозы и совхозы первыми в республике рапортовали о досрочном выполнении плана продажи государству хлопка-сырца. Большой вклад в общий успех района и республики внесли механики-водители хлопкоуборочных машин. Как и в предыдущие годы, соревнование механизаторов возглавила депутат Верховного Совета СССР, лауреат премии Ленинского комсомола, механик-водитель из колхоза „Коммунист“ Тарлан Мусаева. Она выдала из бункера хлопкоуборочной машины почти 500 тонн хлопка, перекрыв свой же рекорд. С большой радостью Тарлан читала телеграмму от нашей всесоюзной „Чайки“, лётчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза, председателя Комитета советских женщин Валентины Николаевой-Терешковой, которая поздравила знатного хлопкороба с трудовой победой», – читал на первой полосе одного из номеров прошлогоднего «Кировабадского коммуниста» Арутюнов.

– Пока не просят, но, наверное, потому, что ещё в школе учатся.

– Лет через пять попросят обязательно. Но сегодня хлопок и так очень выгоден для страны. Я даже посчитал, сколько пододеяльников надо на то, чтобы укрыть каждого гражданина республики.

– Это и я могу посчитать – сколько народу, столько и пододеяльников. Почти пять с половиной миллионов?

– Уже ошибка, Левон Сергеевич, – крикнул из-за стеллажей и ящиков архива парень. – Хотя бы ещё один пододеяльник надо иметь про запас, на время стирки первого.

– Согласен. И что из этого следует?

– Нашей республике для этого требуется 16 тысяч тонн белой хлопчатобумажной ткани – а это 50 тысяч тонн хлопка.

– Значит, если учесть ещё простыни и наволочки – ещё столько же?

– А ещё надо каждого одеть в пальто, костюмы, рубашки, платья...

– ... и трусики Никиты Сергеевича¹⁹. Послушай, если в этом году Азербайджан соберёт один миллион тонн хлопка, как обещал наш ЦК, то мы еле себя оденем! А ты почему сейчас не в джинсах? – посмотрел Лёва на его брюки.

– Алла-ханым ко мне слишком хорошо относится, чтобы её подводить. Ей же наш редактор из-за моих джинс первый выговор влепит вместе с парткомом, профкомом. Когда я не иду на работу – тогда одеваю. Шуму меньше.

– Значит, твои штаны пока не влазят в идеологию советского государства. А не влазят – значит и шить государство их пока не будет. Так что – извини. Вот я же не одеваюсь в джинсы – мне и в советских брюках неплохо. Ладно, знаток ковбойской одежды, лучше просвети меня самыми общими знаниями о «белом золоте».

– Если откинуть в сторону древние Персию и Индию, то у нас в республике ещё до революции был свой сорт хлопка – «кара гоза». Но не очень удачный – волокна у него короткие, шершавые и грубые, а цвет темнее узбекского. Поэтому стали засеивать при советской власти узбекским и египетским сортами.

– Значит в хлопке самое главное: длина волокна, мягкость и цвет? Кстати, хлопок-сырец – это что называют?

– Не только. Сырец – это семена с волокнами. Самая большая ценность – эти волокна. Чем они длиннее и тоньше – тем ценнее. Хлопок длиноволокнистый хорош для текстиля высокого качества, он нежнее.

– Ещё Никита Сергеевич говорил: «Если не будет хлопка, то придётся в трусиках ходить!», – вспомнил выступление прежнего вождя Арутюнов.

– Прав был товарищ Хрущёв. Есть коротковолокнистый – долговечнее, он погрубее, пожестче, хорош для ниток и канатов. А так идёт и в бумагу, даже деньги печатают, и в лаки, и в картон. Во всякую химию. Порох, мыло, маргарин, майонез – даже туда добавляют. Качество у хлопка самое высокое в момент открытия коробочки, но все коробочки в поле даже на одном растении не раскрываются по команде. Значит, и собирать его можно не сразу. Можно дать дозреть оставшимся коробочкам и собирать и их, а можно собрать за один прогон. Хлопку нужны жаркое солнце и много воды – поэтому у нас и каналов больше стало. Но из-за того, что солнца и воды меньше чем положено, у нас и хлопок похуже, и обходится дороже. Да, он и воду впитывает лучше, чем другие волокна, а этим пользуются при сдаче волокна – вес можно хоть удвоить, человек без опыта и не заметит.

– Вот это уже деловой разговор пошёл, ценное для меня замечание. Но нормы же есть при приёмке?

– Нормы у нас как в продуктовых магазинах: усушка, утруска. Палку колбасы можно взвесить с верёвочкой, на которой она висит в холодильной камере – или верёвку можно отрезать до взвешивания. Вы не обращали внимания на то, какой толщины и какого качества бумага²⁰, в которую вам заворачивают эту колбасу? Это почти картон. В неё можно гвозди завернуть – выдержит. Наши нормы одинаково подходят и для мыши, и для слона. Если вы сдаёте товар – вы сдаёте слона; если принимаете – то мышь. Вот, скажем, есть такой показатель у хлопка-сырца, как засорённость. Разница при ручном и машинном сборе урожая – в один процент.

– Это 10 тысяч тонн на всю республику.

– И это только по этому показателю. Председатель может сослаться на то, что хлопкоуборочные машины не могут выйти в поле и послать всех на ручную сборку хлопка. Даже детей из школ могут отправить. А ещё студентов из ближних городов. И бензин списан, и деньги – а техника не потребует лишних затрат на ремонт, и урожай будет выше. А пересортица, когда ткани делают из хлопка, годного только для канатов, и это я ещё не вспоминал про влажность...

---

¹⁹ Хрущёв Н. С. – Генеральный секретарь ЦК КПСС (1953—1964 г. г.).

²⁰ В 1960—1980 г. г. в СССР повсеместно использовалась в качестве упаковочного материала для продуктов.

- У тебя ещё много работы здесь? Из того, что я просил для меня найти?
- Дня на два точно.
- Есть уже что-то отобранное?
- Десяток писем отобрал.
- Бери их с собой, пойдем, пообедаем где-нибудь. Уже время обеда.
- Напротив редакции есть кафе, все наши сотрудники обычно туда ходят.
- Значит, именно туда мы и не пойдём. Хочу посидеть с тобой, но без лишних глаз и ушей.
- На следующем квартале есть ресторан, но там будет дорого. Я рассчитывал только на наше кафе, на большее мне может не хватить...

– Сожалею, но под этим предлогом я тебе не дам возможности от меня избавиться. Так что веди в ресторан.

Этот город щедро одаривает своих гостей своим гостеприимством, а вместе с ними и своих жителей обласкивает палящим южным солнцем, обдувает непрекращающимися горячими жгучими летом и осенью, и холодными зимой ветрами. Поэтому Лёва и его молодой собеседник с радостью оказались в пустующем ресторане, где, оказывается, уже сидели два школьных товарища Самеда и пили кофе. С ним они расцеловались:

– Салам, брат!

С Арутюновым почтительно поздоровались, обменявшись рукопожатиями.

Заказали лёгкий овдух²¹, плов с бараниной и курабье²² к чаю. Лёва стал дальше постигать азы учения о «белом золоте»:

– Расскажи-ка мне, Самед, что дальше делают с собранным хлопком?

– Хлопок отвозят на завод, там его очищают, сушат, сжимают и отделают волокно уже в машинах. Волокно распушивают, направляют в волокноотделитель: отделяют его от семян. Потом прессуют в кипы, каждую маркируют: указывают длину волокон, прочность, толщину, цвет. С завода хлопок уже отвозят на фабрики: волокно разбивают, расчёсывают, вытягивают, скручивают, плетут с него нити – там тоже разные машины. Получают два вида нитей. Кардная – пушистая, для вязки. И гребенная – плотная, для тканей. Когда ткут ткань, там тоже теряется до 10 процентов сырья. Но и их используют. Семена отправляют на масложиркомбинаты. Но это не всё, на что годен хлопок.

– Ты, ешь, не стесняйся. Так сколько идёт хлопка на одну пару твоих штанов, ты уже считал? – улыбнулся Лёва.

– Чуть больше килограмма. Это меньше рубля стоит.

– Не смотри на меня умоляющим взглядом, я всего лишь проверяющий, а не министр лёгкой промышленности СССР! Лучше скажи, что тебе попало под твой зоркий глаз как работника отдела писем «Кировабадского коммуниста».

– Да там люди делятся такими же идеями, куда уходит хлопок с полей и как ужесточить контроль за этим. Как сохранить урожай, а не давать его растаскивать, как уберечь государство от приписок. Вот может одно из писем вас заинтересует больше остальных, но оно касается больше нашего хлопкоочистительного завода, – протянул Гасаноглы конверт с приколотыми к нему тетрадными листами.

«Редактору газета „кировабад коммунист“ пишет камсомолец Ага-Муса Абидович Джафаров. Я живу в село 10 км от нашего Кировабада на улица Ленина 22. Наш председатель колхоза недавно сказал, что месяц назад был пожар в городе хлопкоочистительный завода. А у меня есть родственник Гаджи Исмаилов-дайыоглы²³, он был очень хороший человек, только пропал. Ему 21 года был. Гаджи в армия служил, тоже был камсомолец. Из армия вернулся, учится

---

²¹ Овдух – азербайджанский освежающий, сытный холодный суп (окрошка) на кефире с отварной говядиной.

²² Курабье – печенье.

²³ Дайыоглы – (азерб.) двоюродный брат (сын брата матери).

хотел и работать. У него и девушка была, очень красивый и хороший, в городе живёт – Гюмрал Караева. Гаджи хотел на заводе работать, ночью склад готовый продукция охранять. А потом потерялся. Он не маленький чтобы потеряться но потерялся. Когда председатель сказал что был пожар я тогда вспомнил что Гаджи у нас был днем. У нашего дедушка Сабир-баба был 80 лет день рождение. Гаджи конечно пришел, поздравил Сабир-баба. А потом ушёл – сказал пойду на завод. И потерялся. Если он пошёл на завод, то там никто не умер. Я спрашивал несколько человек оттуда и его никто не видел. И домой не пришёл. И отец его тоже ходил на завод. Там ничего не знают. Мы милицию ходили, там сказали может он из дома сбежал. Насчёт того, что он ходил работать на завод они сказали если его там не видели значит не пришел. И не искали там Гаджи больше. Вы газета, вас послушают, пускай поищут на завод найдут Гаджи».

– Этот Гаджи так и не нашёлся? – спросил Арутюнов.

– Нет.

– А письму так и не дали ход?

– Письмом занимался сначала я. Зарегистрировал его в журнале, потом показал Магомаевой. Мы ещё немного посмеялись по поводу грамматики, но не это же было самым главным. Алла-ханым пошла с письмом к редактору. Но письмо так и вернулось к нам в отдел. Начальник милиции сказал им, что следователь всех опрашивал, может быть и автора письма, значит – никакой новой информации это письмо не содержит. Тогда ещё главный редактор вызвал меня к себе с журналом регистрации, вернул это письмо. Посмотрел, как я его записал, а потом в графе «Примечание» сказал дописать – «прислано анонимно, не рассмотрено».

– А почему так? – удивился Лёва.

– Вот и я точно так же у него спросил. Он мне и говорит: «Видишь, в конце письма нет росписи, даже название села у нас нет, а то, что на конверте стоит печать сельской почты – может человек специально туда заехал опустить письмо». Так оно и стало анонимным.

– А что с пожаром, что горело на заводе?

– Склад с кипами хлопка. Обошлось вроде без жертв и оргвыводов, кроме уволенного инженера по технике безопасности. Как всегда – не хватало огнетушителей, инструментов, забитые гидранты.

– Много хлопка сгорело?

– Я точно не знаю, люди говорят чуть ли не половина всех запасов.

У Арутюнова сложилось своё определённое мнение об этом письме, но он уже понял, что больше информации от своего смышлённого молодого собеседника получить уже невозможно. Просто потому, что он был ограничен стенами своего отдела и редакции. Время терять Лёва не любил, а потому стал искать предлог, как бы правдоподобно и ненавязчиво отвязаться от Самеда, не обидев того.

– Скажи, Самед, а чем живёт молодёжь в вашем городе? Вот эти твои друзья, что сидят в углу, кто они?

– Ну, все по-разному, Леван Сергеевич. Вот один из них, который в кожаной куртке...

– Интересно, ему не жарко в ней? – усмехнулся Арутюнов.

– Конечно жарко, – рассмеялся Самед, – но пофорсить же надо! Хороший парень, мы учились в одном классе. Он в первых классах вообще был отличником, но потом стал ходить на бокс. Занимался серьёзно, стал получать призы, спортивная карьера стала ему важнее. Он даже после школы стал чемпионом Азербайджана! Хорошие оценки в школе ему и так учителя ставили, он и в институт физкультуры поступил. А потом травмировался. Вроде бы ничего серьёзного, но на ринге уже чувствовал себя неуверенно. Его дядя – директор нашего центрального универмага. Здание большое, пятиэтажное, лет десять как построили.

– Да, я видел, солидное здание.

– Теперь чемпион работает там снабженцем. Республиканской славы уже нет, но теперь он может целыми днями сидеть в ресторанах, курить анашу. А второй – тоже наш одноклассник. Вроде его помощника во всех вопросах. Я где-то в журнале видел фотографию большой акулы, а снизу и сбоку её туловища прикрепились рыбины поменьше – называются рыбы-прилипалы. Вот он точно такая рыба, прикрепился к карману товарища. На днях предлагал мне импортные шмотки, хотя знает, что я могу попросить об этом и бывшего боксёра без дополнительных «наценок». Чемпион мне всегда говорит: если понадобятся деньги – мой бумажник в твоём распоряжении. Вообще у него доброе сердце. Мне пока удавалось отказываться, не хочу быть такой же прилипалой. Но благодарен ему и за предложение. Все мы не безгрешны.

– Правильно. Знаешь, Самед, ты взялся мне помогать, хотя и по распоряжению Аллы. И не сомневаюсь, что ещё поможешь. От друзей не стоит отдаляться. Я сейчас уйду, а ты иди к одноклассникам, они и так на нас посматривают. Вам же будет о чём поболтать, чтобы не затрагивать тему нашего с тобой разговора? Посиди с ними, Аллу я предупрежу, скажу, что ты занят по моей просьбе. Работу в архиве продолжи пока сам, позже посмотрю на результаты. Я расплачусь за всё, это не твоя забота, – вытянул Лёва ладонь в сторону Гасаноглы.

Пока Самед направился к своим знакомым, Арутюнов позвал официанта, попросил посчитать съеденное и выпитое им и одноклассниками Гасаноглы, включив туда и бутылку холодного шампанского, которую надо будет отнести молодым людям после его ухода. От коньяка они в такую жару быстро осовеют.

Аллу он нашёл в её отделе. Марина наливала ей чай и предложила и ему.

– Спасибо, не откажусь. Как раз и с начальницей вашей побеседую!

– А где мой Самед? Кстати, как он тебе? – спросила Алла.

– Он занимается моими вопросами. Занимательный парень. Далеко пойдёт, если попадёт в хорошие руки. Можно и в женские.

– Тебе что, не нравятся мои руки, даааа? – наигранно возмущённая Магомаева даже вытянула их и покачала пальчиками.

– Что ты, Аллочка, – Лёва взял её ладони в свои и усыпал их поцелуями. – Как ты можешь так говорить? Я, конечно не Муслим²⁴, но точно воспроизведу: «...и сама не знаешь ты, что красотой затмишь любую королеву красоты...»²⁵.

– Я на тебя мужу пожалуюсь, что ты издеваешься над беременной женщиной! Нет, лучше в твой Совет Министров! И не смотри на меня так, я же не каменная!

– Это как тебе угодно. А теперь, красавица, поделись со мной историей вот этого конверта, – и Арутюнов показал ей письмо комсомольца Ага-Мусы Абидовича Джафарова.

– А, это, – сразу вспомнила Алла. – Мы его честно пытались вручить по назначению, но – увы. После него редактор строго-настрого велел мне показывать подобные письма ему лично, а только потом регистрировать в журнале. Поэтому теперь журнал всегда лежит в моём сейфе.

– Не знаешь, а в каком состоянии теперь это дело о пропаже парня?

– Имей совесть, Лёвочка. Я не начальник уголовного розыска!

– Но узнать-то можешь?

– Сейчас попробую, – Магомаева взяла в руку телефонную трубку, набрала номер, отвернулась ото всех и прикрыла микрофон ладошкой, чтобы сотрудники её не услышали случайно.

– У капитана Мамедова, – сказала Алла, положив трубку. – Больше ничего не знаю. Хотя нет, погоди! Вспомнила: как-то на собрании партактива города директор завода Аббасов интересовался, не соглашусь ли я потерять это письмо и журнал? Я его отослала с этим вопросом...

– Далеко?

²⁴ Муслим – Муслим Магомедович (Магомет оглы) Магомаев (1942 – 2008 г. г.) – советский оперный и эстрадный певец (баритон), композитор.

²⁵ Текст из песни «Королева красоты», исполнялась в эти годы М. Магомаевым.

– ... к редактору. Это для него было так же приятно, как и то место, о котором ты подумал. Вот теперь всё.

– Спасибо, Аллочка. Ты где собралась рожать, здесь?

– Да, а где ещё? Не могу же я бросить дочку и мужа. Да и до Баку могу не доехать в таком интересном положении.

– А теперь скажи мне, кто у вас самый лучший акушер-гинеколог? Напиши мне его фамилию. Вот так, ещё раз спасибо. Роды он будет принимать у тебя лично.

– Лёвчик, я тебе так благодарна! А вдруг он в отпуск уедет, не сможет?

– Поверь мне, сможет, отложит. Да, на Самеда сегодня-завтра не рассчитывай, он мне будет нужен. Это письмо пока оставлю у себя.

Начальнику милиции поступил звонок из Баку. С ним разговаривал весьма ответственный товарищ из ЦК республики, который предупредил, что к товарищу Мамедову из уголовного розыска зайдёт товарищ Арутюнов, работающий в органе партийно-государственного контроля. Он задаст капитану ряд вопросов, на которую должен получить исчерпывающую информацию. Лишних вопросов товарищу Арутюнову задавать не надо. Мамедова, работавшего в этот момент в городе, руководство милиции быстро разыскало, и он ждал гостя в своём кабинете уже через четверть часа.

Арутюнов, уставший от многочасовой поездки за рулём, чтобы избежать излишней суетливости людей в форме, и расположить инспектора к доверительной беседе, пригласил его прогуляться по находящемуся неподалёку скверу города неподалёку от площади Ленина, напротив административного здания Городского Комитета партии и Горисполкома²⁶.

– Мне нужно ваше личное мнение и ваша убеждённость при расследовании дела пропавшего Исмаилова, на которую бы не повлияли высказывания вашего руководства или партийного руководства города.

Капитан был несколько удивлён: какое может иметь отношение дело о пропавшем юноше к работе контролирующего органа республики? Но это не его дело, сверху обстановка просматривается лучше: жираф длинней – ему видней. Про жирафа он решил не высказываться, а потому в беседе употребил иное сравнение.

– На этот счёт я могу вас сразу успокоить. Дело Исмаилова я сам реанимировал, а это никак не укладывается в позицию страуса, который стремится зарыть голову в песок.

– Вас не просили «замять» дело, заволокут?

– Нет, таких просьб я ни от кого не слышал, хотя руководство мне явно намекало на его бесперспективность. Говорили, что парень очень молодой, нагуляется – сам появится дома. Не иголка – найдётся когда-нибудь. Может, появилась у него невеста новая: русская или еврейка, которую бы родители не приняли. Вы же знаете обычаи в нашей республике, хотя об этом и не говорят открыто. Может другая причина – труп же не найден. Но я увидел в этом деле связь с тем пожаром, который произошёл в своё время на нашем хлопкоочистительном заводе. Расследование продвигается очень медленно, но определённые выводы у меня уже есть, и я на днях собираюсь задержать подозреваемое мною лицо.

– Он работник завода, этот подозреваемый?

– Вы знаете, Левон Сергеевич, нет. Связи этого лица ни с предприятием, ни с кем-либо из работников я не обнаружил. Хотя считаю, что такая связь должна быть. Пока в моём познании не хватает тех деталей, которые бы прояснили мотив преступления. Я говорю о преступлении, потому что уверен – юноша мёртв. Для меня очевидно, что труп скрыли настолько тщательно, что найти его своими силами нам не удастся. Только если исполнитель сам укажет, где искать труп.

---

²⁶ Горисполком – в СССР, исполнительный комитет городского Совета народных депутатов (орган исполнительной власти).

– У вас получается тяжёлая ситуация: вы уверены, что знаете исполнителя убийства – но отсутствует труп; а чтобы найти труп – надо задержать преступника и заставить его заговорить.

– Поэтому я и медлю. Я могу его задержать хоть сегодня. Но чем я его заставлю разговариваться, а прокурору убедить дать санкцию на его арест? Тем более что мой подозреваемый имеет за своими плечами солидный перечень статей уголовного кодекса и пару раз уже отбывал наказание. Две ходки для него стали хорошим приобретённым жизненным опытом. Он будет отпираться до последнего.

– Вы можете назвать его фамилию?

– У меня нет права вам отказать в информации, – развёл руками капитан. – Так что всё, о чём я могу вас просить – чтобы этот разговор остался между нами. По крайней мере, до задержания подозреваемого.

– Это само собой разумеется, – кивнул Лёва.

– Ибрагим Курбаноглы, 52-го года рождения. Прописан в одном из сёл неподалёку, но чаще всего его можно встретить у нас в городе. Нигде не трудоустроен.

– Почему именно он?

– Когда я взял на себя расследование дела, то принялся по новой допрашивать всех, кто знал Гаджи Исмаилова. Нашёл и тех, кого раньше не свидетельствовал. Родители, родственники, друзья, девушка. И работники хлопкоочистительного завода.

– Что узнали от заводчан? От руководства?

– С руководством не удалось найти понимания. Я ведь и на связь парня с заводом вышел случайно, нашёл его заявление в отделе кадров о принятии на работу в день пожара. Из тех, кто обязан был знать о поступлении его на завод, удалось допросить только начальницу отдела кадров и директора – их визы стояли на заявлении. Но информативности в их показаниях никакой. Остальные на заводе вообще были не в курсе. По крайней мере, делали вид, что не знакомы с парнем или ничего не знали о его желании там работать. Из показаний остальных тяжело, но сложилась мозаика событий: где, когда и с кем был пропавший парень. И те, кто видел его последним в живых, говорят о том, что рядом с Гаджи Исмаиловым был именно Ибрагим Курбаноглы.

– Что значит «рядом»?

– Вот, это самое главное! Факты из показаний свидетелей говорят о том, что Исмаилов и Курбаноглы между собой даже не были знакомы. Из опрашиваемых лиц никто мне не помог построить цепочку возможного знакомства. Знаете, бывает иногда, что через знакомых других знакомых люди что-то знают друг о друге. Здесь такая связь не клеится. Я уже дошёл до того, что свидетелям задавал такой вопрос: «Когда вы видели в последний раз Гаджи, кто ещё был в поле вашего зрения?» Только так и выплыл Курбаноглы. Но это не повод, чтобы его задерживать или даже допрашивать с пристрастием!

– Да, этого маловато. Получается, в вашем арсенале только чистая интуиция?

– Почти. Остальное пока крутится в голове, но никак не укладывается в доказательство в чистом виде.

– Как и связь предполагаемого убийства Исмаилова и поджога хлопка?

– Да, и это тоже.

– Волга впадает в Каспийское море, – усмехнулся Лёва. – Не обижайтесь, но это не факты, это выводы, а нам с вами нужны выводы из определённых и установленных фактов.

Арутюнов остановился, достал сигареты, предложил угоститься Мамедову, и уже давая ему прикурить от зажжённой спички, тихо сказал:

– Я вам подскажу, как заставить преступника проявить себя: так или иначе.

– Вы это серьёзно, товарищ Арутюнов?

– Да, почитайте пока вот это письмо. Оно не отличается отменной грамотностью, но вам будет полезна информация и в таком изложении. Читайте, я его обнаружил сегодня в редакции «Кировабадского коммуниста». А я пока объясню, как мы подтолкнём на действия вашего Курбаноглы. Он же уверен, что нет следов, прямо указывающих на него. Ваши сегодняшние действия его не пугают. Завтра вы зайдёте в отдел писем редакции газеты. Пойдёте прямо в архив, найдёте там Самеда Гасаноглы – парень там ковыряется по моей просьбе. Скажете ему, что товарищ Арутюнов перепоручил все его находки передать вам, а самому рот держать на замке. Это письмо тоже оставьте себе. У заведующей отделом Магомаевой писем изымите все журналы входящей корреспонденции с 75-го года. А послезавтра пустите аккуратно слушок, что из обнаруженных в архиве писем вам стал известен совершивший преступление негодяй, но вам необходимо провести дополнительные следственные действия, в том числе и по обнаружению трупа пропавшего юноши, чтобы закрепить окончательно. Последнее очень важно: из этих слухов все должны сделать вывод – подозрение у вас есть, но без каких-то там следственных действий, которые вы сейчас с ходу придумаете, толку не будет. Среди сослуживцев должны ходить разговоры, что по этой причине задержание откладывается на неделю, две. Руководству ничего не объясняйте. Сможете это устроить?

– Попробую, – развёл руками Магомедов. – Вы, видимо знаете больше моего. Думаете, этих слухов будет достаточно?

– А если источников слухов будет не один, а два?

– Вы меня окончательно озадачили. Вы и это можете устроить?

– Я кину пробный шар из Баку. Вторая волна слухов будет из столицы республики.

На улице стал накрапывать дождь из набежавших внезапно облачков, и стало прохладнее. Арутюнов простился с капитаном и вернулся к машине, направляясь к своей бежевой «шестёрке». Игра началась, капитан послужит ему свою службу. Это будет небольшой эпизод, но точно рассчитанный. А теперь предстоит встреча с директором хлопкоочистительного завода, явно намекнувшего в прошлый раз, что он не только сам готов «отблагодарить» Лёву за выявленные им при проверке «шероховатости», но и возьмётся объездить по списку остальных проверяемых, чтобы уладить возникшие и там нюансы: «У нас республика, хоть и не маленькая, но уж те, кто с хлопком работает, хорошо друг друга знают. У всех одни проблемы».

Лёва подъехал к заводу, вышел из машины и его взгляд упал на ближайшее кафе, где было бы неплохо чем-нибудь и подкрепиться. Он вспомнил, что ещё ничего и не ел с самого утра. Немного потоптался на месте, но потом всё же решительным шагом отправился на проходную завода – надо пока закончить все дела, разговор предстоит непростой, а еда его только расслабит.

У ворот выстроилась длинная очередь из загруженного хлопком транспорта. На проходной его уже ждали, проводили прямо до кабинета Аббасова.

– Левон Сергеевич! – встречал его директор чуть ли не с распростёртыми объятиями. Это был невысокий крепыш с полным румяным лицом. Если надеть на него вместо гражданской одежды старый халат и дать в руки мотыгу, всякий признал бы в нем колхозного крестьянина или поливальщика на хлопковом поле, – а я уже стал переживать, что вы задерживаетесь. Не случилось ли чего по дороге. Может, вы хотите перекусить, мы всё быстро организуем. Если задержитесь – хамам организуем. Что хотите?

– Спасибо, Фархат Джевдетович. Я уже два часа как в городе, вас решил оставить на десерт. Если можно, то от чашки хорошего кофе и холодной воды я бы не отказался.

– Как скажете, уважаемый, как скажете. Присаживайтесь где вам удобно.

Лёве самым удобным местом показался диван, покрытый местным ковром изумительной работы – не перевелись мастера своего дела в Азербайджане, какие узоры!

– Айгюль, принеси нашему гостю кофе, сладости и минералку из холодильника, – директор выглянул в свою приёмную. – А ваши ребята ещё у нас работают, позвать их?

– Нет, я их попозже увижу.

Секретарь принесла напитки, поставила их на небольшой столик перед диваном. Арутюнов поблагодарил её и с жадностью выпил сразу холодной минеральной воды.

– Ещё водички, уважаемый?

– Нет, спасибо. Вот выпью кофе и мы с вами пойдем, прогуляемся по территории завода.

Завод занимал несколько гектаров городской земли, поэтому места для конфиденциальной беседы было более чем достаточно. Постоянно заезжающие грузовики и трактора с прицепами завозили собранное с полей «белое золото», которое вручную и транспортёрными лентами складировались в высоченные кипы. Там, на большой высоте орудовали рабочие, подправляя хлопок согнутыми вилами, укрывая некоторые из них большими брезентовыми полотнами. Хлопок складывали, раскладывали, сушили, очищали. Он был везде: словно белые, чуть подпорченные пылью снега, покрывали площадки завода.

– У вас горячая пора, товарищ Аббасов, смотрите, сколько транспорта и народа задействовано!

– Трудимся не покладая рук, всё делаем для народа, Левон Сергеевич. Как обещала республика, и мы вносим свой вклад в миллион тонн азербайджанского хлопка! И коммунисты, и комсомольцы, и беспартийные – все работают на страну.

Арутюнову несколько надоело это жонглирование отвлечёнными понятиями, и он решил перейти к более материалистическим вещам.

– Ещё пару недель и мои ребята должны завершить ревизию вашего завода, так что и мы внесём свою толику в этот миллион.

– Конечно, товарищ Арутюнов, как можно в нашем деле без контроля партии и советского государства? Значит, ещё две недели?

– Что, сильно мешаем?

– Нет, как можно, вы тоже работаете! – Аббасов даже зажестичулировал, словно снимая с себя подозрения в неуважительном отношении к работе Арутюнова.

– Скажите, документы вы отдельно мне подготовили за тот период, когда у вас случился пожар в 77-м?

– Да, в кабинете остались, на столе. Но ваши ревизоры уже их смотрели?

– Смотрели. Но я ещё раз на них взгляну. А что за история была с пропавшим в тот день вашим работником, кладовщиком? Кажется, его фамилия была Исмаилов? – Арутюнов повернулся и встретился взглядом с лихорадочно забегавшими глазами директора – благо, они были почти одного роста. Но само лицо у него словно окаменело.

– Исмаилов, говорите, даааа? У нас есть, наверное, Исмаиловы, всех сразу не помню. Но никто не пропадал.

– Гаджи, молодой парень, не помните? Вы ему подписывали заявление о приёме на работу кладовщиком – как раз в день пожара.

– Не помню, товарищ Арутюнов, – у Аббасова так пересохло во рту, что и слова стали пробиваться наружу, словно со скрипом. – А это тоже связано с вашей проверкой?

– Напрямую нет. Я просто пообщался с работниками уголовного розыска, у них имеется на примете какой-то подозреваемый по делу пропавшего Исмаилова. Говорят, что через пару недель, может быстрее, как только проведут какие-то обыски или опознания, у них появятся доказательства вины этого человека. Вот они мне и намекали на некую связь между пропажей юноши и пожаром. Но пока они в этом не уверены.

– А не знаете, кто этот подозреваемый? – спросил директор.

– Я не настолько любопытен. Просто вам рассказал об этом, чтобы вы имели возможность морально подготовиться к очередным проверкам, теперь уже со стороны милиции. Ну, это не моя забота, а теперь перейдём к нашим проблемам. Вы готовы обсуждать?

– Конечно, Лев Сергеевич, я же сам сказал, что расхождения конечно найдутся при проверке, как и на любом производстве...

– Вот и отлично. Тогда вернёмся сейчас в кабинет. Я заберу с собой ваши отчёты, а вы перепишете список хозяйств и предприятий, где руководители готовы ко всему, также как и вы.

– Я вас понял, Левон Сергеевич. А как мне им сказать... о масштабе заглаживаемых проблем? – для наглядности Аббасов произвёл движение, словно потирал большим пальцем указательный палец правой руки, что в народе означало: сколько?

– А вот этот вопрос вы сами обсудите с вашими коллегами. Если всё и всех устроит – каждый из вас получит вполне приемлемые отзывы и показатели в наших отчётах. Будете также спокойно работать на своих местах. И обсуждать это мы больше не будем.

Аббасов понял, что конкретных цифр он не услышит, а это усложняло его переговоры с каждым из руководителей колхозов, совхозов и таких же заводов, как и тот, директором которого он являлся. Мало дашь – ничего не получишь, а много как-то рука будет тяжело подниматься у каждого...

– Я понимаю, что у вас сейчас аврал и на работе, но послезавтра вы должны выполнить это поручение.

– Мне собрать это всё у себя, вы сами заберёте?

– Внимательно слушайте. Соберёте по пакетам, на каждом подпишите фамилии вручившего вам и уложите в один большой зелёный непрозрачный пакет. Пакет должен быть непромокаемым. Кроме того, чтобы он не разваливался, перетяните его сверху толстой бечёвкой. Не очень туго, чтобы его можно было тащить волоком. У вас в кабинете я вам назову бакинский адрес с частным домом, с деревянным забором зелёного цвета. Участок дома длинный, выходит на обе стороны квартала. Послезавтра около восьми вечера, когда уже стемнеет, вы перекинете пакет через забор по указанному адресу. И не с центральной улицы, куда выходят железные ворота, а с переулка. Кидайте как можно дальше. Если что-то перепутаете – это не моя забота. А теперь пойдёте за документами.

Забрав документы и снабдив Аббасова необходимыми инструкциями, Лёва решил заехать в гостиницу: проверить, как там продвигается работа у его специалистов с проверкой Кировабасовского хлопкоочистительного завода.

Серый костюм, фактурная розовая рубашка, серый галстук – всё это стало душить Фархата Аббасова сразу после того, как Арутюнов вышел из его кабинета. Директору стало казаться, что Левон Арутюнов вскрыл всю его изнанку словно универсальной отмычкой. До этого момента он смотрелся почти на отлично, а теперь весь размяк. Ему даже показалось, что он и пахнуть стал по-другому.

Ну ладно с проверкой экономики завода ещё как-то можно понять: заработал – дай другому, так всегда было и будет. Но какого чёрта руководитель группы органа партийно-государственного контроля стал интересоваться пожаром на фабрике и пропавшим парнем – Исмаиловым? Ему и так стоило немалых усилий гасить эти два дела, благо связи в городе были – сейчас Аббасову было уже под шестьдесят, а он всю жизнь прожил в Гяндже. Город, хотя и поменял имя, но не изменил привычек многих своих горожан. Даже после войны, которая тяжёлым катком прошла по судьбе каждого из них. Каждый знал к кому можно обратиться, чтобы за солидную мзду решить какую-то свою проблему, которая не укладывалась в рамки поведения советского человека. Связи и родственные отношения решали многое. И до сих пор решают.

Аббасов подошёл к зеркалу в своём кабинете, оглядел себя, задержавшись почему-то взглядом на высоких туфлях. Подняв голову наверх, увидел свои седые волосы, уставшее лицо с пробивающейся щетиной и потускневшие глаза. Он вышел в приёмную:

– Айгюль, главный инженер у себя?

– Да, Фархат Джевдетович, он уже час назад зашёл к себе. Там у него главный механик. Позвать его к вам?

– Нет, сам зайду.

Кабинет главного инженера Бахрама Исрафилова находился напротив кабинета директора, по правую руку от стола секретаря. Аббасов открыл дверь к нему и закрыл изнутри вслед за засобиравшемся на выход главным механиком завода. Осмотревшись, и поняв, что никого постороннего здесь больше нет, директор подошёл к сидевшему Исрафилову:

– Меня пару дней не будет. Так что останешься пока один.

– Что-то случилось, Фархат? Куда ты собрался?

– Приезжал Арутюнов. С проверкой нашего завода вроде я всё улажу. Только никак не возьму в толк, какого черта его интересует пропавший два года назад сторож. Я уже решил, что накормил всех собак, идущих по этому следу, но видимо ошибся. Думал, что весь измажусь в хлопке, но я ещё и весь в собачей шерсти.

– А он откуда узнал о пропавшем?

– Вот и мне это интересно. Ладно хлопок, излишки, списание, левые деньги, но какое это имеет отношение к ревизорам? Наша милиция обещала мне закрыть оба дела и не связывать пожар с исчезновением. А информация откуда-то идёт, кто-то её ковыряет.

– Может, ты преувеличиваешь? Ну, ляпнул ему кто-нибудь.

– Понимаешь, Арутюнов же не просто обронил мне об этом. Он ещё раз затребовал все документы за позапрошлый сезон и давит на меня этим.

– Поговори с ментами. Поговори с ворами. Кто-то из них будет знать, откуда ветер дует.

– Я этим сейчас и займусь. Занимайся пока производством, а я уехал.

– Все будет нормально, Фархат, – крикнул ему вслед Исрафилов. – Ты так сильно не переживай!

У здания административного корпуса стояли белые «Жигули» – персональный автомобиль вместе с водителем поджидали директора. Аббасов сел на заднее сиденье в душном салоне автомобиля, скомандовал:

– Отвези меня к Насиру в шашлычную.

Заведение Насира расположено в старой части города, где и легковой машине развернуться негде. Раскалённые за сухой солнечный в этих местах день крыши строений дышат тяжёлым жаром. Дома лепятся друг к другу, образуя между собой узкие кривые улочки, тупики, переулки. И везде древний камень! Здесь вы идёте по нему, обходите каменные стены, проходите по каменным аркам и вглядываетесь вглубь оконных проёмов из камня, который руками мастеров собран воедино, чтобы жителям города было тепло зимой, прохладно летом, безопасно в лихие времена. Это уже в послевоенные годы город стал расти за счёт кирпича и бетона. А здесь, в старом городе, камень властвует над людьми, и только время и непомерное человеческое желание резко менять привычный уклад жизни свой и своих соседей смешало часть каменных творений с прахом истории. Это место напоминало лабиринт, и здесь плутали даже люди, неплохо знавшие город. Но водитель Аббасова чувствовал себя здесь, как рыба в воде, потому что часто привозил сюда директора.

– Поезжай к себе домой. Предупреди своих, что едешь в командировку со мной на пару дней.

– Хорошо, Фархат Джевдетович. Далеко поедем?

– По республике немного покатаемся, потом в Баку заедем и обратно. Езжай, заберёшь меня отсюда же через часа три.

– В ночь поедим? – удивился водитель. – Может лучше с утрачка?

– Ты лучше меня знаешь, что я не любитель по ночам кататься. Езжай, у нас и так времени под обрез.

– Как скажете!

Машина остановилась у нешироких крепостных ворот, пробитых в увенчанной зубцами стене. Уже здесь, на улице, несмотря на жару, доносились сладострастные запахи свежеприготовленного мяса.

Отпустив водителя, Аббасов вошёл через деревянные ворота внутрь большого двора шашлычной. Постоянные посетители шашлычной Насира любили наслаждаться недолговечными творениями его рук на свежем воздухе, хотя могли бы и спрятаться внутри здания. Самые разные люди приходят сюда за гастрономическими шедеврами, стаканчиком отменного вина и просто, чтобы побеседовать. Это единственное место, где все жители города соблюдают правила хорошего тона, и ни разу здесь никто не позволял себе ругаться или даже на повешенных тонах выяснять отношения.

Хотя именно сюда частенько приходили проводить переговоры, заключать сделки – не всегда законные, но обязательные для сторон. Рядом некогда был городской майдан. По сути: рынок, толкучка. Конечно, именно на майдане люди знают толк в хорошей торговле, ловкой карманной краже, где неопытного горожанина или гостя, желающего сбыть по нужде какую-нибудь вещь, или присматривающего что-нибудь интересное, облапошат в несколько минут.

Правда, после войны майдан уж не тот: не те товары, не тот народ и жулик обмельчал. Но остались ещё закоренелые одиночки ремесленники и торгаши, мелкота, торгующая краденным, вершили ещё здесь свои коммерческие операции и акулы покрупнее. Заходили и авторитетные люди, работники на государственной службе, бывали и воры в законе, какие-то подозрительные личности. Может быть, по этой причине редким случаем бывает посещение этой шашлычной женщинами: это тогда выглядело, как будто слабая горлица случайно залетает на орлиную скалу – здесь становилось излишне тихо, но никто не нападал на беззащитную птицу.

Несколько молодых людей разносили широкие блюда по столикам, и иногда с них попадали на замощённый булыжником двор капли влаги от пахучего, сочного мяса, которые впитывались в землю между камнями или быстро исчезали на горячем булыжнике.

Только здесь можно отведать настоящие блюда, а не «пищу» или «еду»! Когда Фархат подошёл к одному из свободных столиков, около молодого кябабчи²⁷, жарившего в углу на мангале шашлык, стоял сам Насир-муэллим²⁸.

Несмотря на свой возраст (а седьмой десяток жизни почтенный кулинар уже отмечал) почтенный Насир выглядел вполне неплохо: в сияющем белизной поварском халате, мягких сандалиях гостей встречало его всегда улыбчивое лицо. Под широкими, аккуратно подстриженными бровями разместились его добрые карие глаза, встречающие и провожающие приветственным взглядом каждого гостя. Заметив Аббасова, он подошёл к его столу, присел рядом, поздоровавшись.

– О, директор пришёл. Салам, Фархат! У тебя же дел сейчас должно быть невпроворот? Или ты уже разогнал всех хлопководов?

– Салам алейкум, Насир-муэллим! Нет, у ворот моей фабрики и сейчас машин стоит больше, чем молодых барашек по утрам к твоей шашлычной. Но возникли дела, оставил их на Бахрама. Приехал к тебе подкрепиться, с людьми поговорить.

---

²⁷ Кябабчи – (азерб.) шашлычник.

²⁸ Муэллим – (азерб.) учитель. При обращении к мужчине (чаще всего старшему по возрасту или вышестоящему по положению).

– Эй, Сулейманбек! Принеси-ка нам чайку, – окликнул Насир пробегающего по двору мальчишку с подносом, на котором чудом балансировали большой фарфоровым чайник и пузатые стаканчики на блюдцах. – Посижу с тобой немного, пока своих гостей дождёшься, если ты не против. Ты надолго, чем тебя сегодня угостить?

– Я не очень тороплюсь, так что сам посоветуй: что мне поесть перед долгой дорогой?

– Гостей ждёшь и в дорогу собрался, говоришь? Если так, я распоряжусь, чтобы тебя покормили разнообразно, но не очень плотно. Набитый желудок мешает быстро принимать решения, да и в дороге будет лишним грузом. А где твои гости?

Аббасов коротко бросил:

– Помоги мне сейчас найти своего родственника, Ибрагима. Он мне очень нужен.

Насир удивлённо приподнял свои густые брови и иронично заметил:

– Неужели ты ищешь моего двоюродного внука? Получше гостя себе не мог подобрать на этот вечер? Или ты не того Ибрагима имел в виду?

– Его ищу, Насир. Найди мне его, прошу тебя.

– Последний раз я вас видел вместе у себя здесь года два назад. Не знаю, какие у вас могут быть общие дела. Один – директор завода, уважаемый в городе; второй, хотя он и мой родственник – человек тяжёлый. Родственников не выбирают, с ними живут всю жизнь. Мой единственный грех в этой жизни, что я покупаю баранов без счёта и плачу людям за это живыми деньгами без бумажек. Про Ибрагима говорят, что он за деньги любого человека зарежет легче, чем молодого барашка. Ты уверен, что тебе сейчас нужен Ибрагим?

– Нужен и срочно, Насир. Я без встречи с ним не могу заниматься другими делами.

– Хорошо, я попробую, раз так просишь, – искусный повар отставил в сторону свой чай и отправился на кухню.

Через пару минут мальчишка Сулейманбек выбежал оттуда пулей на улицу, а гостей поить горячим чаем вышел один из молодых поваров.

– Ты же не откажешься отведать со мной по небольшому горшочку пити²⁹? – спросил подошедший шеф-повар у Аббасова, который так внимательно наблюдал, как работает молодой мастер кябабчи, будто готовился наняться к нему в подмастерье. – Я послал мальчишку, он пока поищет Ибрагима.

– Спасибо, Насир-муэллим. Из твоих рук можно и камень сырой можно съесть – всё равно будет вкусно! – пригласил директор присесть мастера за стол.

– Ну, есть мы будем не с моих рук, а из глиняных горшков, но сегодня я пити готовил сам. Принеси нам подачу для моего пити, – приказал Насир подававшему блюдо работнику.

Пока тот к горячим горшочкам поднёс свежие помидоры, порезанный крупно репчатый лук, соленья, сумах³⁰ и чуреки³¹, Фархат, не удержавшись от аромата, который шёл из приподнимаемой им горячей крышки дымящегося горшочка, для чего пришлось использовать принесённые полотенчики-салфетки, заглянул внутрь.

– Он у тебя получается просто янтарный! Как ты его готовишь, мастер?

Старый повар усмехнулся, показав целый ряд здоровых собственных зубов, покачал головой:

– Я готовлю его так, как учил меня мой дед, вот и вся хитрость. Готовил для себя. Ещё с раннего утра горшки прокипятил! Замочил горох. Потом добавил свежайший бараний жир и кипятил ещё раз уже в обед. Поменял воду в горохе. Отварил каштаны. Горшки промыл, мясо снял с бараньего задка, очистил его. Хотя честно сказать, барашек был такой молодой,

---

²⁹ Пити – (азерб.) гороховый суп.

³⁰ Сумах – приправа, используемая в кухне Средней Азии, Азербайджана. Заменяет лимон и делает цвет еды вишнево-красным.

³¹ Чурек – (от турецкого «хлеб») имеет вид лепешек. Приготавливается из пресного теста, как правило, в золе, из пшеничной, ячменной и кукурузной муки.

что мне над мясом не пришлось долго трудиться. Добавил кусочки мяса, горох, лук, шафран, залил водой, посолил, прикрыл всё это салом и поставил на плиту. Полчаса назад опустили туда каштаны и аль-бухару³². У тебя дома также готовят пити?

– Наверное. Но и цвет не такой, и вкус не тот. Может тебе баранов привозят особенных?

– И бараны с гор, и вода с родников. А как же? Вот скажи, ты в заводской столовой пробовал плов, который ваши повара готовят?

– Ну, ты сравнил, Насир. Там не плов, а рисовая каша с мясом. И готовится всё на газе, а не на открытом огне. Люди не могут тратить на готовку одного блюда по двенадцать часов! Рабочим надо просто прийти, утолить свой голод и опять отправиться на работу. Да и стоит там всё подешевле, чем у тебя!

– Сколько стоит ваш обед в столовой? Или ты там давно не был? – рассмеялся повар.

– Насколько я помню, 60 или 70 копеек.

– Найди человека, который на кухне будет вкладывать в ваши кастрюли и казаны не продукты, а душу – и за рубль на человека ваши рабочие будут питаться также, как и вы все, проходящие сюда. Любое блюдо – это не набор продуктов, но и щепотка души человеческой. Как и в любом деле, директор! Вот, скажи, мясо барашка когда бывает вкусным? Когда он не стоит в загоне и не жуёт пожухлое сено, а когда бегаёт по склонам со свежей травой. Потому каждый из вас и не скупится оставить у дядюшки Насира свои «трёшки» и «пятёрки». Я плачу за продукты больше, чем люди могут за них выручить на рынке. Но никто из нас на рынок не ходит – нам и так всё привозят, и самое лучшее. А где можно полакомиться лучшим шашлыком, и запить его парой стопок водки или стаканчиком вкусного крепкого чая? У дядюшки Насира!

– Салам, дядя! Салам, Фархат! – поздоровался, но не очень любезно, подошедший к ним немного косивший левым глазом Ибрагим Курбаноглы.

– А, это ты, – мрачно буркнул в ответ на приветствие повар, вставая из-за стола. – Скажу, чтобы и тебе принесли пити. Садись.

– Спасибо, дядюшка. Не откажусь. Да, скажи Сулейманбеку, пусть захватит ещё и бутылку водки. А то директор устал за день, пусть немного расслабитсЯ.

Насир покачал головой, но ничего не ответил и направился на кухню.

– Зачем позвал, Фархат? – спросил Курбаноглы.

– Может быть, зайдём поговорить в зал?

– И здесь неплохо. Там жарко, люди вокруг заняты едой, а забор у Насира не прозрачный.

– Как знаешь, Ибрагим. Нам надо что-то делать с капитаном Мамедовым. Он копает дело с исчезнувшим парнем.

– У него такая работа, Фархат. И потом это не моя забота. Я с друзьями своё дело сделал. Ты обещал, что менты это дело замнут. Пожар случился в назначенное время, хлопок ты сбыл по фабрикам, как и хотел. Или что-то не так?

– У меня сидит проверка из Баку. Я с ними вроде обо всём договорился, но теперь и они интересуются делами о пропавшем парне и пожаре. Начальник милиции своё получил, но Мамедов видно что-то нашёл, какие-то следы. Поговаривают, что обещал через неделю-другую кого-то задержать. А мне надо срочно уехать на пару дней из города.

– Вранье, сказки. Два года ничего не могли найти, а теперь найдут? – презрительно ухмыльнулся Ибрагим. – Что можно было найти через столько времени: облезлый хвост умершей собаки? Если бы нашли тело, уже весь город бы знал об этом. Чего ты распереживался?

– Мне не нравится то, что эти два события начинает собирать в одну корзину не только наш уголовный розыск, но ещё и комиссия из Баку. Это не может быть просто совпадением!

---

³² Аль-бухара – мелкая слива. Желтая сушеная аль-бухара придает блюду кисло-сладкий привкус.

Молодой Курбаноглы посмотрел на него с таким пренебрежительным видом, будто перед ним сидел не директор завода, а мальчишка с соседней улицы:

– От нас ты чего хочешь?

– Надо убрать капитана. С ним разговаривать бесполезно, он и начальство не очень-то слушает. Только так, чтобы уже никто не увидел здесь связи с делами по моему заводу. Я заплачу, только сделать это надо быстро, у нас нет времени.

– Это у тебя нет времени, Фархат, а не у нас. Я пока не вижу резона кипишевать. Что я своим братьям скажу? Директор задёргался по непонятной причине, у него температура вдруг поднялась и он теперь бредит? И потом, мента убрать – это тебе не то, что какого-то пацана зарезать как овцу.

– Я же заплачу!

– Заплатишь, понятно! – кивнул Ибрагим. – И сколько дашь?

– Столько же.

– Что? Два с половиной косаря за мента? Ты точно заболел. Или за фраеров нас держишь? Да за эти деньги я соглашусь только на улице фуражку сбить с ментовской головы.

– Хорошо, сколько? – спросил Аббасов.

– Скупой ты человек, Фархат, ох и скупой, – укоризненно покачал головой молодой авторитет. – И как аллах терпит и прощает таким людям как ты этот большой грех? Пять и деньги сразу!

– Ладно. Хоть это и много, но я согласен, – безнадёжно взмахнул рукой директор, понимая, что торговаться бесполезно, да и времени на это у него нет.

– Тогда плати. Ты же говоришь – времени мало.

– Сейчас за мной заедет водитель, я заеду за деньгами и привезу. Ты подождёшь здесь?

– А зачем мне бегать? Водки выпьешь, нет? Пить со мной ты не пьёшь, я пока дядюшкин пити поем. Потом чай попью. А ты бабки вези и езжай по своим делам, раз сильно торопишься. Я тебя задерживать не буду, – пробормотал безразличным тоном Ибрагим, выпив рюмку водки.

– Фархат Джевдетович, – в открытых воротах показалась фигура водителя.

– Вот видишь как хорошо, директор, уже и машина подана, – улыбнулся Ибрагим. – И не забудь за ужин заплатить, когда вернёшься. Бедный дядюшка не должен за нас нести убытки.

– Бедный дядюшка, чёрт бы тебя побрал, – бормотал Аббасов, шагая через двор к машине. Но сказать это в лицо самому Курбаноглы он не мог бы и в более спокойных условиях.

Ибрагим уже честно отсидел положенные ему два года за ношение холодного оружия – все, что смогли вменить ему в своё время при случайном задержании на майдане. Хотя на самом деле, он стоял на «стрёме» во время ограбления. Он должен был стоять на открытом месте, где его было хорошо видно из окон второго этажа квартиры старого ювелира, которого облюбовали в качестве очередной жертвы. Если бы он увидел что-нибудь подозрительное, то ему надо было достать нож, выбежать на перекрёсток, размахивать им поднятой рукой и что-нибудь кричать, чтобы отвлечь внимание на себя.

С перекрёстка просматривались все подходы к дому, где орудовали грабители. Тогда минут двадцать зелёному Ибрагиму показались целой вечностью. Нож за поясом под рубашкой жёг ему кожу. Мимо него проехала полуторка, рядом проходили люди, а он, помня наказ старших друзей, делал вид, что кого-то ждёт. Вот издали сзади, наконец-то, послышался громкий свист и он увидел поднятую руку одного из грабителей, что означало: уходим.

Но именно в этот момент оцепившие майдан со всех сторон милиционеры стали устраивать проверку всех, кто попадался им на глаза, замыкая круг в сторону дома, откуда милиционерам уже и позвонил кто-то из соседей, сообщив о происходящем ограблении. При нем нашли интересный нож. Это был уже не первый его привод в милицию, а потому его решили

не отпускать, ограничиваясь исключительно нравоучительными беседами. Два года, проведённые в тюрьме за ношение холодного оружия, не прошли для Ибрагима Курбаноглы даром: они зачлись ему не только в качестве времени искупления перед законом, но и как столь необходимый стаж отсидки для утверждения перед ворами.

В тот день четверо грабителей помогли старику-ювелиру переселиться поближе к аллаху или шайтану, прихватив у него добра больше, чем ожидали. На всю жизнь никаких денег никому не хватит, но даже через два года старшие поделщики удосужились кое-что оставить и молодому, но уже проверенному теперь уже авторитету Курбаноглы.

Аббасов привёз пакет с деньгами, заплатил за себя и Курбаноглы, и его машина рванула собирать чужой урожай с хлопковых полей и заводиков по его переработке и очистке республики для Арутюнова и тех, кто стоял за ним в Совете Министров и ЦК Азербайджана.

Ибрагим поднялся из-за стола, переложил в задний карман брюк пакет с деньгами и, поблагодарив дядюшку Насира, направился домой к старшему из воров, Мураду, в той группе, которая теперь его считала своим.

Кечал Мурад, который и действительно был абсолютно лыс в свои почти сорок лет, был дома, когда к нему приехал Ибрагим.

– Очень мне сегодня не понравился директор Фархат сегодня, – сказал Курбаноглы, вкратце передав свой недавний разговор с Аббасовым. – Обычно он слишком наглый, а сегодня сам на себя был не похож. Даже угостил за свой счёт, был мягкий как пластилин, а ты же знаешь – мне часто терпения не хватало, чтобы как-то объясняться с ним.

– Ибрагим, ну не пори хрень, – ответил Мурад. – Будь мужиком, не дёргайся и сам как директор. Аббасов и себе и нам помочь хочет.

– Я тоже так подумал, потому и пришёл к тебе сразу. Думаю, помочь надо, в натуре. Только как это сделать.

– Думает он! Да пошёл бы ты...

– Зачем ты так, брат? Так с людьми нельзя разговаривать. Или я не такой же человек, как ты?

– Помолчи, человек! Думаешь, два года отсидки за то, что рот не открыл, из тебя сделал настоящего мужика? Вот когда лишишь жизни этого самого мента, тогда и будешь рот раскрывать наравне с другими. А таких говнюков как ты, таких засранцев я пока буду затыкать, когда захочу. И выслушивать от тебя непонятно что! Аббасов нас предупредил, что уже не только в городе, но и в Баку знают слишком много. И времени на всё в обрез. Мы делаем свои дела, но за нами не охотились. А теперь я не уверен, что можно разгуливать спокойно по улицам, раз Мамедов что-то учуял.

– Я же помочь хочу. Ты Рауфа знаешь? – обидевшись, спросил Ибрагим.

– Рауфа? Какого ещё Рауфа?

– Мамедова старший сын. Такой пацан: небольшого роста, крепкий. Ещё в школе учится, в 39-ой, недалеко от алюминиевого завода.

– Не помню я его, да и какой нам от него сейчас прок. Значит, мент и живёт на той стороне города, в посёлке Кираз.

– Наверно. Я с ним как-то разговаривал.

– Со старшим, или с младшим? – спросил Кечал³³ Мурад.

– С сыном, Рауфом. Так, поточили ляды. Он у меня все спрашивал, где я свой нож взял – помнишь, ещё тот, что ты мне дал уже после моей отсидки, после дела с ювелиром. Тянется к оружию.

– И что, ты ему сказал, как он тебе достался?

– Мурад, ну я же не дурак! Если бы я сказал, он мог бы отцу проболтаться.

---

³³ Кечал – (тюрк.) лысый.

– Хорошо ума хватило. Так, сидим теперь и думаем, как этой птице голову свернуть. Так чтобы и любая больничка ему не помогла. Надо чтоб он сдох. Снимешь с него шкуру? Мочи хватит?

– Это как, надо будет и кожу с него снимать? – изумился Ибрагим.

– Да, как кору с дерева ободрать. Говорю, что ты ещё зелёный как яблоко. На кой хрен мне его шкура? Я её на стену себе не повешу. Ты думаешь тем же, на чём сидишь. Да, и бабки Аббасова положи сюда, – постучал костяшками пальцев по столу Мурад.

– Вот пакет, я сразу тебе хотел его отдать, – пожал плечами Ибрагим. – Директор хотел дать в два раза меньше.

– Сегодня нам и этот куш сгодится. Не каждый день жирные старики-ювелиры попадают. Ещё придётся жопами повертеть, чтобы их отработать. Да так, чтобы самим под пулю ментовскую не угодить. Если слегка не повезёт, так это если служивый будет таким же косоглазым как ты. А совсем будет плохо – если он в тебя ещё и попадёт. Дело вот в чем, зелёный. Мамедова убрать надо. Но убрать так, чтобы не настали для нас всех плохие дни. И не вплетать сюда директора. Нам лишний шум не нужен. Вот и подумай, где и как это сделать по-быстрому. Не хочу тебя совсем обс... ть, но все дело в твоей голове. У меня-то она есть, понимаешь? И хожу я сейчас на свободе потому, что дела делаю с головой, братьев своих не подставляю. Убрали мы этого барана Гаджи, как и просил два года назад Аббасов, так аккуратно, что и подкопаться было некому. Только ты и крутился вокруг него весь день, но ты же его и пальцем не тронул. И мне казалось, что все неплохо, поскольку, думаю, хватка у меня есть, что ещё надо, стало быть – все в порядке. А теперь Мамедов замаячил со своими расследованиями, понимаешь? Значит, где-то пошёл прокол. Между ребятами и тобой в тот день связи никакой не должно было быть, если ты нигде не проболтался. Вот и думаю я, мозгами шевелю, не ты ли виноват, что мы можем по самые брови в говнище оказаться? Откуда эта невезуха?

– Да ты что, брат! – испуганно обронил Ибрагим, понимая, к чему могут привести такие выводы старшего товарища. – Я никому и ничего!

– Не могу я себе позволить чёрной полосы сейчас, ни себе, ни друзьям моим. Я верю, что может ты никому ничего и не рассказывал. Вот теперь надо думать, как избежать скверных новостей. И клювом не прощёлкать. Тормозить – себе дорожке может выйти.

– Ещё бы, брат, – сказал подуспокоившийся Курбаноглы, – дело надо сделать и пулю не схлопотать. Этого все боятся. Но ты скажи, что делать и всё будет в норме.

– Может быть, всё и будет в норме, а может, и нет. Может, с тобой в норме ничего не будет. Я вообще-то не хочу, чтобы этим делом кого-то зацепило и протащило до суда. Давай подумаем. Мальчишки труп не нашли, иначе бы мы об этом знали. Аббасов был бы точно в курсе. Ты целый день тогда бегал за Гаджи Исмаиловым, чтобы дать знак нашим, когда будет подходящий момент. Значит, если убийства никто не видел, то засечь могли только тебя. Я поговорю с нашими парнями сам. А ты пока иди.

– Мурад, – сказал Ибрагим, покосившись на пакет на столе, – мне бабки нужны. Я долго парился, а жить на что-то надо.

– Малец, ты часом не рехнулся? У тебя что, жена имеется, дети есть просят? Нет дел – иди мясо жарить к своему дядюшке. Он же тебя звал, ты сам рассказывал. Насир человек не бедный, всю жизнь работал и готовит здорово. Вот родственник пусть тебе и помогает. Но ты же гордый, как это кто-то увидит такого авторитета за мангалом. Или на кухне стряпающим за рабочим столом. Был бы толстым и накормленным всегда! Не отработав – эти деньги тратить нельзя, а кормить тебя за свой счёт я не намерен. Ты вышел – свою долю получил, тебя не обидели. И в тюремной хате за тобой был присмотр. Вот смотрю я на тебя иногда и всё задаю себе вопрос: я того парня выбрал? Мы с братьями его берём, но я не знаю – в этом Курбаноглы я точно не уверен. Не могу сказать, что в тебе не так, просто знаю – не тот ты пацан. Но все равно мы тебя берём. И если ты в натуре будешь не таким, чтобы с нами схлест-

нуться на всю жизнь, то мы вместо нормального мяса будем всё остальное время жрать одно свиное сало. А это неправильно для вора и мусульманина, понимаешь? Нет, на тебя мне может и наплевать, что там у тебя в твоей безмозглой голове. Хочешь жить по своим правилам – живи, мы как-то и без тебя обойдёмся. Но уж лучше мы обойдёмся без тебя, без твоих про... в в важных вопросах, чем самим в говно вляпаться. Я за свою жизнь уже этого нажрался – по горло. И прос... ть больше ничего не хочу. Аббасов – наша кормушка. От него много кто кормится. А обижать дойную корову никому нельзя. Иди, думай лучше, как мента свалить. Утром встретимся на майдане. И поглядывай вокруг – за тобой и хвост может быть.

– Конечно, Мурад! Прости, если что не так сказал.

– Иди, там разберёмся дальше.

Утром они встретились на майдане. Ибрагим остановился шагах в шести от Кечал Мурада, пока тот делал вид, что выбирает себе что-то из одежды у одного из спекулянтов. Тот, зная, что за покупатель стоит перед ним, удивившись немного, готов был сделать авторитету любую скидку, чтобы только не нарваться на неприятности:

– Ладно, Мурад. Мне этот батник обошёлся в тридцатку, так тебе и отдам. Посмотри, прикинь как тебе идёт. И цвет твой!

Авторитет улыбнулся и подпёр собой железобетонный электрический столб, разглядывая вещь со всех сторон:

– Никогда не поверю, чтобы еврей отдал вещь за те же деньги, что и купил! Ладно, вот тебе тридцатка, кидай в пакет.

– Ну что ты, Мурад! Вот держи.

Качал Мурад, блестя лысиной и солнцезащитными очками, взял красочный пакет с надписью «rodeo» и изображённым ковбоем на лихом мустанге из рук спекулянта и повернулся в сторону Курбаноглы:

– Салам, Ибрагим, – крикнул он не громко, но так, чтобы всем окружающим было слышно это обращение к случайно встреченному знакомому. – А ты здесь что забыл?

– Салам, Мурад, – ответил на ходу Курбаноглы, подходя и протягивая руку в приветствии. – Да вот батарейки сели в приёмнике, никак не найду. А в магазинах таких нет. Тебя можно с обновкой поздравить?

– Да, спасибо. Я видел твои батарейки вчера в универмаге, – Мурад поднял к глазам часы на руке. – Пока рано, универмаг ещё закрыт. Пойдём пройдемся, подождём пока откроется.

– Давай, брат.

Отойдя подальше от толпы продавцов-покупателей, Мурад продолжил уже в полголоса:

– Смотрел, никого не было за тобой?

– Никого не заметил, – сказал Курбаноглы. – Я с пяти утра на ногах, уже успел устать. Все думал, как дело повернуть, не спалось что-то.

– Я думал, ты по ночам или девчонок обнимаешь, или просто подушку. Меня в твоём возрасте по ночам было удержать трудно. Но я рад, что ты и верхнюю половину тела пытаешься использовать с толком.

– Все шутишь?

– Нет, издеваюсь. Жалко мне тебя, молодого и безмозглого.

На улице, по которой они проходили, шла стройка, огороженная забором. Около него крутился неуклюжий толстяк в рабочей синей робе, с металлическим ведром, измазанным уже раньше то ли чёрной краской, то ли смолой. Рабочий повернулся к ним спиной и стал разглядывать высокую деревянную стену. Упёр руки в толстые бока. На заборе были нацарапаны чем-то острым нецензурные слова. Буквы выглядели достаточно коряво, но их полуметровая высота была видна издали. Рабочий поставил ведро на тротуар, нагнулся, достал оттуда какой-то инструмент, кажется стамеску, и стал стачивать надпись.

– Вот бы мне так стирать с чужих мозгов всякую глупость, – сказал Мурад. – А то ни на кого положиться нельзя – опрёшься в большую голову. Я был молодой как ты, так тоже думал – откинусь, мне кроме денег и баб больше ничего не нужно будет. А знаешь, что я делал, когда вышел на свободу? Продрых два дня подряд. Спал бы и спал. Но человек не может просто есть, спать и лапать женщин, если в его голове что-то хоть есть стоящее. Мне всегда думается, как бы денег срубить. Можно откинуться и жить дальше, как все остальные. А я не могу. Если ты попал за решётку, знаешь за что, и с каким багажом ты оттуда выходишь – не расслабляйся, действуй. Или иди махать рубанком над государственным забором, как этот синий жиртрест. Тебе пока фартит, с рук многое сходит, но это же может и закончиться. Ладно, слушай меня – тебе не повредит. Ты знаешь моего родного брата, Муслима – он мужик неплохой, хотя бы тем, что много не болтает. Утром идёт на работу на свой масложиркомбинат, или после обеда – во вторую смену. И пока он там свою жопу рвёт, горбатится на семью весь в масле и поту, его жена шлёндрает по городу и с кем-то спит. А я иногда по вечерам у них телек смотрю, могу пива принести на футбольный матч. Мы смотрим футбол, он иногда нянчится с сыном, но про жену молчит. Они поженились, когда я срок мотал. Я как-то пытался ему сказать, что так нельзя себя вести мужику, а он мне говорит: «Слышишь, ты её не трогай, ладно? А то сболтнёшь ей что обидное, она и сбежит от меня. А что я потом сыну скажу? А так она к десяти каждый вечер возвращается домой». Как тут его не послушать?

– Я что-то не совсем пойму, зачем ты мне это рассказал, – озадаченно сказал Ибрагим. – Нет, я понимаю, что раз ты рассказал мне такое, то ты мне доверяешь...

– Вот и я о том же. Ты ввязался с нами уже не в одно дело. Проблема моего брата – это его проблема, он сам с ней справляется. А наши проблемы – это проблемы общие. И «не путай свою личную шерсть с государственной»³⁴, как говорил товарищ Джабраил³⁵. Сейчас ведь дело не в деньгах. Я не о них говорю.

– Я с тобой согласен, я тоже самое думаю, Мурад. Я тебе нужен, хочешь меня видеть в этом деле – и я буду.

– Тогда пошли на остановку, дальше поедем на троллейбусе.

Подошёл троллейбус, который шёл в посёлок Кираз. Они встали на задней площадке. На следующей остановке двери открылись, и к ним, пошатываясь, стал подниматься пожилой ханыга в дорогом, но грязном костюме и в таком же состоянии некогда кипельно белой рубашке, тяжело приподнимая своё тело вверх и по салону с помощью поручней. Было заметно, что он не брился уже несколько дней. Синяк на лбу уже потерял свою красноватость, и отливал уже некоторой зеленцой. А вот к уху кто-то приложился недавно, так что и кровь не успела запечься как следует, стекая на воротник рубашки. Обнаружив свободную троллейбусную скамью, на которой никто не сидел, он опустился на неё тяжело, схватился за находившийся перед ним поручень рукой со сбитыми в кровь костяшками и уснул. Кондуктор посмотрела на него тяжёлым взглядом, но даже не стала беспокоить очередным призывом: «Покупаем билетки, не допускаем безбилетного проезда!»

– Неплохо ему досталось, – сказал Ибрагим, улыбаясь. – Интересно, кто это его так.

– Думаю, он просто упал. У меня отец так домой являлся в день получки, и как раз в такое же время дня. После работы деньги получит в кассе, и если матери не удастся его перехватить прямо с проходной, то до аванса мы голодали. И он ведь знал, как можно убраться с работы мимо проходной! Мать брала нас с собой, и мы ждали его до самого последнего выходящего человека. И вот тогда мать уже начинала волноваться и заставляла нас бежать вдоль забора завода, чтобы перехватить его. Если поймать его не удавалось, то мы оставались без денег. А когда возвращался – выглядел так же, как и этот тип. Вечно где-то падал, а потом

---

³⁴ Цитата из советского художественного фильма-комедии «Кавказская пленница» режиссёра Л. Гайдая.

³⁵ Джабраил – один из главных героев того же фильма.

перед обедом возвращался домой. Хорошо, что у нас здесь нет вытрезвителя. А может и плохо, не знаю. Долго он не протянул, умер, так и не дотянув до пенсии. Нам пора выходить.

Прошло около десяти минут, когда они добрались до предпоследней на этом маршруте остановки. В этом посёлке жили те, кто и работал на алюминиевом заводе. В основном здесь стояли четырёхэтажные кирпичные дома. Посёлок от завода отделяло огромное поле, которое пересекала одинокая железнодорожная колея. По ней вагонами доставляли на завод глинозём, а вывозили готовые алюминиевые чушки. За заводом, вдалеке белыми конусами возвышались Кавказские горы.

– Видишь дом напротив остановки? Здесь и живёт наш дорогой сотрудник, товарищ Мамедов. Его квартира на третьем этаже. Видишь, на балконе стоит прислонённый к стене мопед? Он стоит вертикально. Это и есть его квартира. Три комнаты, так что окна выходят и во двор. Я перейду улицу и поеду на троллейбусе обратно. Подожду тебя в кофейне на майдане, а ты походи вокруг, осмотри всё вокруг. Тебе пригодится, а моей лысине лучше здесь не появляться – могут запомнить.

– Хорошо, Мурад, – согласно кивнул Ибрагим. – Может это и хорошо, что он устроился на окраине города, а не в центре.

– Может быть. Тогда дождись моего отъезда, а потом и сам перейдёшь на ту сторону улицы. И не пей, пока с ним не покончим, а то от тебя вечером водкой разило, как от моего папаши.

Кечал Мурад с пакетом в руке пошёл на остановку напротив. Курбаноглы, бросив ещё раз взгляд на балкон Мамедовых, стал дожидаться, пока очередной троллейбус захватит с собой Мурада. Его взгляд был настолько мгновенным, что глаза не успели зафиксировать появившуюся у мопеда тонкую невысокую фигуру Рауфа Мамедова. Он учился в десятом, выпускном классе, а занятия у старшеклассников начинались во вторую смену. Отец был на работе, брат в школе, мама тоже, так что дома он был один. Рауф посмотрел вниз и заметил на остановке через дорогу знакомое лицо – это был Курбаноглы. Тот самый, у которого летом, во время каникул, он увидел в парке в руках необычный красивый нож. Таких не продавали в магазинах, даже в «Охотнике и рыболове» ничего подобного не встретишь! А как ловко тому удавалось этот нож с размаху бросать в стволы деревьев!

Он хотел было сначала окликнуть Ибрагима, просто помахать ему с балкона рукой, но потом как-то ступешался: с Курбаноглы его ничего, кроме той встречи в парке, не связывало. И разница в возрасте была большая. Рауф встречал его как-то пару раз в городе, но повода для продолжения знакомства он не находил. Интересно, что он забыл в рабочем посёлке? Приехал в это время кому-то в гости, или уезжает? Если только приехал, то чего вдруг застыл на остановке; если уезжает в город, то почему не переходит на противоположную остановку? Вот и троллейбус подошёл, а он словно ждёт чего-то. А, вот сдвинулся с места. Идёт к ним во двор дома?

С балкона Рауф попал в большую и очень светлую комнату, которая служила их семье гостиной, перешёл в коридор и оказался в детской – комнате его и младшего брата Саида – со своим балконом, где стоял велосипед. Со второго балкона он выглянул во двор внизу и увидел, как действительно Ибрагим остановился и стал оглядываться. Двор был огромный, окружённый со всех сторон такими же однотипными домами с детскими площадками, скамеечками, дорожками. Там отдыхали несколько стариков, ходили женщины с детскими колясками, бегала ребятня. Напротив была огороженная своим забором территория ПТУ алюминиевого завода. Что же он ищет?

Вот Курбаноглы поднял голову вверх, в сторону их дома. Зачем-то Рауф опустил под перила балкона, так чтобы его не было заметно снизу. Из их двора одна из дорожек вела к училищу – по ней Ибрагим и направился. Рауфу он больше был не виден, поэтому, рассудив, что в любом случае Курбаноглы появится на остановке, парень вновь вернулся на балкон, выходя-

щий из гостиной и стал его там поджидать. Кроме троллейбусов, отсюда можно было уехать лишь на маршрутном такси или легковой машине, обычном такси. Так или иначе, надо было выйти к той же остановке на улице. Зачем он решил высматривать этого случайного знакомого? Затем, что в шестнадцать лет мальчишкам иногда хочется поиграть в детектива, почувствовать себя Шерлоком Холмсом. Да и вёл себя Ибрагим как-то странно. Вот же он, появился на остановке, где останавливается транспорт, идущий в город, и явно опять смотрит на их балкон!

Зазвонил звонок на входной двери их квартиры – это мама и младший брат вернулись со школы. Мама работает преподавателем математики и завучем, а Саид учится в четвёртом классе той же 39-ой школы. И детектив уже успел забыть о своих наблюдениях: надо им открыть дверь, встретить:

– Ма, привет! Привет, братишка!

– Привет, сынок! Забери у меня эти тетради, отнеси на стол в гостиной, – попросила Рауфа Лена Мамедова. – А я пока побегу на кухню, приготовлю вам обед.

– Рауфчик, а ты мне велик починил? – крикнул младший брат вслед Рауфу.

– Нет, мне папа для этого нужен, – ответил уже из гостиной Рауф. – Потерпи до выходных, там что-то со звеном на цепи, я один не справлюсь, Саидка.

– Ну вот, опять до выходных! А я кататься хотел с ребятами сегодня.

– Саид, не обижайся на брата, лучше включи мне свет в ванной! – попросила Лена, уже сменившая туфли на пару женских тапочек и по натёртому до блеска паркету забежавшая в совмещённый санузел.

– А можно мне пойти погулять, мама? – попросил Саид.

– Иди мыть руки, переодевайся; пообедаешь – тогда и пойдёшь, – ответила Лена, выйдя из ванной.

– Мам, напора нет, вода закончилась!

– Ну вот, беда с этой водой. Сейчас я тебе полью. Рауф, ты уроки приготовил?

– Да, Елена Рустамовна, ученик Мамедов все задания выполнил, – пошутил старший сын.

– Тогда тоже мыть руки и за стол, ученик Мамедов. А я покормлю вас, повыгоняю и немного приберусь в квартире. А то ваш чистюля-отец выгонит меня из дома или запретит выходить на работу. Он только и ждёт повода заставить меня сидеть с вами дома.

– Правильно! Женщина должна присматривать за очагом в семье и маленькими детьми! – вспомнил Саид с улыбкой отцово изречение.

– Это вы у нас маленькие? Один в следующем году будет поступать в институт, а второй уже сегодня готов отобрать у него мопед! А могли бы и мне помочь по дому.

– Мамочка, убираться по дому и готовить – это не мужская работа, – заметил Рауф.

– Сейчас кто-то из этих мужчин у меня получит половником. Нет, я лучше папе позвоню, пожалуюсь на его наследников!

– Нет, только не звони папе! – воскликнули младшие Мамедовы в один голос.

– Не буду, ешьте, давайте, мои мужчины, – усмехнулась Лена, протягивая им дымящиеся тарелки с курицей и лапшой. Надира Мамедова дома все побаивались и уважали.

Дети поели, собрались выходить и перед уходом, как и всегда, забежали на кухню поцеловать Лену. Они вышли на лестничную площадку, закрыли за собой дверь. Щелчок стандартного английского замка дал знать, что двери заперты и Мамедовы-младшие спустились с третьего этажа во двор дома. Саид, увидев во дворе своих соседей-ровесников, побежал им навстречу на импровизированную футбольную площадку, а Рауф не спеша направился в школу. Проходящему мимо домов по асфальтовым дорожкам Рауфу день не казался чем-то необычным, а был наполнен радостью спокойной жизни вместе со своей семьёй, друзьями и одноклассниками. Он уже и забыл про Курбаноглы. Не потому, что память его была коротка – продолжение дня обещало в себе иные события, как казалось в этот миг, более важные для него.

Класс, в котором учился Рауф Мамедов, был обычным для кировабадской школы. Здесь за десять лет учёбы и отношений между детьми сформировались свои лидеры, двоечники, середнячки. Он не претендовал на высокий уровень в учебной иерархии, но почти с первых дней стал осознавать, что работа и социальный статус его родителей неумолимо сказывается и на его положении. Отец – офицер милиции, работает в уголовном розыске города; мама – преподаватель и завуч в этой же школе. Да и его собственная устремлённость быть неформальным лидером в классе (не вычурная, для отчётов пионерского звена, а несколько тeneвая, когда твоё мнение, высказанное однажды вызывает искреннее чувство уважения и интереса к тебе как личности у одноклассников), которое, в общем-то, можно было не замечать и игнорировать, если бы это поведение вызывалось желанием показаться эксцентричным. Но именно искренность в отношениях со сверстниками, его спокойствие и немногословность и сделали его центром внимания и гордостью учеников.

В классе он сидел в центре, за третьей от стола учителя парте вместе со своим другом Тимаковым Юрой. У Тимакова отец был кадровым военным, семья переехала в Кировабад только год назад. Юра, в отличие от Рауфа, был высоким, статным юношей, но его природная застенчивость и желание найти с собеседниками исключительно мирные способы разрешения конфликтных ситуаций иногда играли с ним злую шутку – и это несмотря на то, что от удара кулака этого парня лопались тяжёлые набитые песком тренировочные мячи в спортзале. Детский мир, прикрытый часто завесой от взрослого мира, достаточно жесток и эгоистичен, ибо только в подростковом возрасте, и даже раньше, человек начинает определять для себя понятие нравственности. Местным парням почему-то не понравилось, что высокий новичок из-за своего роста и мощной фигуры всегда ставился преподавателями во главе школьных мероприятий и решили устроить ему обструкцию, задевая мелкими уколами и высмеивая на глазах у всех обидными прозвищами, пользуясь полным незнанием Юрой азербайджанского языка. Ему никогда не могло прийти в голову, что можно первым ударить кого-нибудь. Или выяснять отношения не в равной борьбе, исподтишка. Рауф сразу понял, с кем имеет дело, какой человечине этот новый одноклассник и объявил в классе, что тот, кто ещё раз позволит себе обидеть Тимакова – будет иметь дело с ним лично. Это сразу изменило ситуацию, и Юра, поняв, откуда ему пришла поддержка, отвечал Рауфу своим полным расположением.

Даже то обстоятельство, что часть из поклонниц Мамедова (а таких среди девчонок «А» класса было множество) стали отдавать пальму предпочтения его новому другу и подопечному, никак не сказалось на их взаимоотношениях. Они оба прекрасно понимали, что женское внимание им по жизни уготовано судьбой, и не позволяли своей дружбе подвергаться испытаниям из-за красивых глаз и девичьих вздохов. На самом деле и в классе, да и в школе большинство азербайджанских, армянских и ребят других, не таких многочисленных в республике национальностей, с молоком матери и устоявшимся в семье поведением своих отцов дома впитали в себя уважение к слабой половине человечества, вне зависимости от возраста и красоты. Хотя подростки в определённом возрасте не всегда склонны быть образчиком галантности, и позволяют себе слова и поступки, за которые впоследствии им бывает стыдно; если только окружающие не закрывают на это глаза или не поощряют такое поведение, которое может стать для них естественным и единственно приемлемым. В этом возрасте, кроме того, самым страшным становится понятие «колеи». Выбывающегося из натопанной границы общей дороги зачастую воспринимают чужим, и взрослому подростку ничего иного не остаётся, как либо свалиться обратно в колею привычной для всех жизни, либо терпеть и отбиваться от окружающих до самой смерти. Правда, привычные, а потому затёртые до дыр представления о справедливости не позволяют людям действовать абсолютно беспристрастно и в своих требованиях исходить из того, к кому они обращены. Только неординарные учителя да ещё немногие адекватные родители могут разрешить себе роскошь индивидуального подхода к детям.

Учителя старших классов, с учётом того, что Елена Мамедова работала в их школе, пытались сделать из Рауфа отличника, но четвёрки и очень редкие пятёрки были его пределом. Троек ему старались не ставить, но и без них никак не обходилось. Сам же юноша, понимая, что его способностям в учёбе есть вполне определённые границы, мешало при общении даже некоторое косноязычие, и любые натянутые усилия преподавателей не позволят ему войти в клуб формирующейся классной элиты по признаку учёбы на «отлично», не входил из-за этого в состояние подавленности и больше внимания уделял своей физической подготовке и неформальному общению в школе. В конце-то концов, его отец тоже не был в своё время отличником в учёбе, но это не помешало ему стать опытным следователем! А почему у него это не должно получиться? А сын решил идти по стопам отца.

Вечером семейство Мамедовых собралось в гостиной после ужина. Для комнаты в семнадцать квадратов – слишком громкое название, но в их микрорайоне это было нормой. Квартиру они получили уже давно, и в единожды отремонтированной комнате стены были оклеены светлыми жёлтыми обоями, уже не раз испытанными на себе творческие художественные порывы Рауфа и Саида. Видавшая виды мебель состояла из стенки, в которой под полками для книг стоял цветной телевизор, старого кресла с продавленными исключительно Надиром пружинами (он и сейчас сидит в нём и перелистывает какие-то документы), обеденного стола и четырёх стульев вокруг него, три из которых заняты Леной, проверяющей школьные тетради, и сыновьями, делающими уроки на завтра. Ещё два стула сиротливо стояли у стены по бокам от окон и балконной двери.

Оторвавшись от бумаг, Надир наблюдает за детьми. Рауф склонился над учебником физики с лицом сурового индейца и даже что-то шепчет, пытаясь выучить наизусть какой-то параграф. Лицо его сосредоточенно, резкий профиль лица напряжён. Он трудится со всей той серьёзностью, которую привносит в каждое своё занятие. Сидящий прямо, как на уроке, Саид посматривает на брата и колдует карандашами над альбомом: завтра урок рисования. Интересно, что им задали? Домик с изгородью, цветущий сад или полёт космонавта на другую планету? Видно, задание непростое, потому что цветные карандаши из новой, только что открытой коробки уже все покрыты следами его маленьких острых зубов.

– Ты что рисуешь, сынок? – спросил отец.

Вопрос задан в упор, и он от неожиданности сначала сосёт карандаш, вытаскивает его изо рта весь блестящий от слюны; потом карандаш опять замирает во рту, а Саид, повернувшись к Надиру, нахмурил брови и как рядовой, с которым его командир вдруг решается найти общую тему для разговора, пожаловался:

– Нам сказали нарисовать самое красивое место в городе, а я не знаю, что мне выбрать.

Он не уверен в том, что же ему выбрать для рисунка, ведь в Кировабаде так много красивых мест! Зародившиеся сомнения у одного члена семьи всегда влекут за собой такие же чувства у других, теперь они уже распространились на каждого из членов семьи Мамедовых.

– Нарисуй наш центральный парк с фонтанами, – предлагает отец.

– Нарисуй горы, их ещё видно за окном, – говорит мать.

– Нет, лучше мавзолеев Низами, – утверждает брат.

– Ну вот, вы меня сбили, и теперь я вообще не знаю, что мне выбрать! – Саид был готов расплакаться. Он и рад был бы переложить бремя выбора на каждого из них, но как теперь выбрать, если мнения отца, матери и старшего брата для него авторитетны, но при этом не совпадают между собой!

Обсуждение пришлось отложить. Раздался металлический звон за входной дверью, а затем в дверь постучали: несмотря на наличие электрического звонка, так к ним навевались только соседи сверху, молодая азербайджанская пара.

– Сиди, отдыхай, я открою, – отозвалась Лена. – Они опять за водой. Если она идёт.

И действительно, соседи то ли не успели вовремя набрать в ванную воду, либо просто плохо прикрыли сливное отверстие и остались без живительной влаги. В посёлке вода редко поднималась выше третьего этажа, да и то с перебоями. Мамедовы сдружились с ними и были даже приглашены на обрезание первого и пока единственного их малыша-карапуза, который в свои три года категорически отказывался говорить на русском языке и только для Мамедовой, в семье которой говорили равно на обоих языках, делал иногда исключение: он открывал входную дверь в свою квартиру и кричал сверху вниз на весь подъезд: «Ленин (просто Лена у него почему-то плохо получалось), у тебя кушать есть, ... твою мать? Мама мне не кормит!». Понятно, что после такого пронзительного и колоритного объявления Лене ничего другого не оставалось, как быстренько подняться к юному соседу с каким-нибудь блюдом и, приняв извинения от его пунцово-красной от смущения молодой мамы, а затем спуститься на свою кухню и готовить новую порцию обеда для своих мужчин.

Тут же зазвонил телефон, стоявший на высокой тумбе в коридоре, так что Надир был вынужден подняться и пройти в коридор, захватив с собой стул. Поздоровавшись с гремящими вёдрами в ванной соседями, он захватил телефонный аппарат свободной рукой и сел подальше от шума в коридоре, ближе к гостиной.

– Алло! – мужской голос звучал чуть приглушённо, были слышны автомобильные гудки, из чего Мамедов сразу сделал вывод, что звонили с телефона-автомата.

– Да, я слушаю, – ответил Надир.

– Это капитан Мамедов?

– Да, я вас слушаю! Кто это?

– Это Курбаноглы Ибрагим.

– Кто-кто? Курбаноглы? – удивлённо переспросил капитан.

– Да, капитан. Я знаю, где находится труп Гаджи Исмаилова, и могу сейчас показать это место. Вы ведь ведёте его дело?

– Это что, шутка? И почему ты звонишь мне домой?

Из гостиной выглянул Рауф:

– Пап...

Надир строго помахал ему указательным пальцем и показал рукой: скройся в зале. Рауф послушно исчез.

– Завтра труп может исчезнуть, а это недалеко от вашего дома. У второй железнодорожной стрелки перед въездом на алюминиевый завод. Приходите прямо сейчас, я вас там подожду, – собеседник положил трубку.

– Алло, алло! – но в ответ лишь прозвучали гудки отбоя.

Мамедов встал, положил телефонную трубку на корпус аппарата, поставив последний на освободившийся стул. В передней уже стояли соседская пара с полными вёдрами, которых уже криком вызывал их малыш сверху:

– Ана, ата³⁶!

– Извините нас, Надир. Мы ещё пару раз спустимся к вам, пока есть вода, наберём несколько вёдер, – попросил сосед.

– Да, конечно, а зачем ещё нужны соседи? – улыбнулся в ответ Мамедов, но Лена про себя заметила, что мысли мужа уже где-то далеко.

– Что-то случилось, Надир? – спросила она, дождавшись, пока соседи выйдут на площадку подъезда.

Капитан сам пока не мог разобраться – случилось ли что-нибудь или нет? Звонок в это время от самого Курбаноглы на домашний номер телефона, которого он собирался допросить как раз завтра, конечно, не мог не насторожить. Откуда ему стало известно, что теперь он ведёт

---

³⁶ Ана, ата – (азерб.) Мама, папа.

дело по исчезнувшему парню? Ну, предположим, это не самая большая утечка из уголовного розыска. Откуда у него домашний номер телефона? Ну, предположим, для человека, который хочет изложить какую-то следственную тайну или покаяться в совершённом преступлении, найти его телефон тоже не архисложная задача. Откуда он знает, где находится труп Исмаилова? А вдруг, чем шайтан не шутит! Времени на раздумья нет, может передумать...

Через мгновение он ответил:

– Нет, ничего, Леночка. По работе, мне тут надо выйти недалеко. Если буду задерживаться – я перезвоню.

– Хорошо, дорогой. Просто ты что-то встревожен.

– Пап, – в коридоре вновь появилась голова Рауфа, – а кто звонил?

– Сынок, помоги лучше пока брату с рисунком, – строго отозвался отец, – а сейчас мне надо быстро собраться и идти.

– Я просто хотел рассказать...

– Потом, Рауф! – крикнул уже из спальни Мамедов. – Я же сказал – после!

– Мам, – уже шёпотом окликнул стоявшую рядом маму Рауф, – я ему просто хотел сказать, что сегодня...

– Тсссс, – приложила свой палец к его губам Лена. – Не зли отца. А то мы с тобой оба получим. Он выйдет – ты пока расскажешь мне. А потом мы с ним поделимся твоей новостью.

Мамедов быстро облачился в гражданскую одежду и выскочил из квартиры. Растерянный Рауф хотел было снова его остановить, но ничего не успел для этого сделать. Передняя уже опустела, хлопнул замок. В замочной скважине лишь покачивалась связка ключей отца. Парень подошёл к дверям, ведущим в гостиную. Лена встревожено посмотрела ещё раз на сына:

– А с тобой-то что? Рассказывай, что ты хотел сказать отцу?

В это время входная дверь открылась, и соседи вновь занялись заполнением своих вёдер водой. Наконец, они всё же ушли.

– Ты не расслышала, когда папа говорил по телефону, он называл фамилию того человека с кем говорил?

– Я не расслышала, сынок. Я была рядом с соседями, а они разговаривали и вода шумела.

– Я, кажется, слышал, что он переспросил его фамилию: Курбаноглы. Но точно не разобрал.

– И что? Я даже не прислушивалась к его разговору.

– Понимаешь, когда вас всех не было дома, почти перед вашим приходом из школы днём, я видел у нашего дома человека, которого зовут Курбаноглы Ибрагим.

– Хорошо. А что тебя встревожило? Откуда ты его знаешь, это твой знакомый?

– Он смотрел на наш дом. Мне даже показалось – на наши балконы. Сначала с улицы, с остановки. А потом зашёл в наш двор, и оттуда смотрел.

Тревога передалась уже и Лене:

– Может это тебе показалось? Так кто этот мужчина?

– Нет, он точно смотрел к нам. Я ещё хотел рассказать папе, а потом просто забыл. Это парень, ему лет двадцать пять. Я как-то с ним в парке летом познакомился. Увидел у него очень красивый нож, мы просто поговорили и всё.

Алла бросилась на один балкон, потом на другой: на улице было уже достаточно темно, понятно, что Надира нигде не было видно.

– Мам, я знаю, что нарисую! – выбежал к ней на балкон Саид. – Я «бутылочный дом» нарисую, он же красивый? А ты чего здесь стоишь?

– Ничего, пойдём в комнату, – схватила его за руку Лена и усадила вновь за стол. – Садись и рисуй, ты очень хорошо придумал! Рауф, найди в телефонной книге номер Юсуфа.

– Сейчас, мама, сейчас, – заторопился Рауф. – Вот он.

Лена выхватила у него из рук телефонную книгу и стала стоя на коленях перед стулом в передней набирать поворотом диска указанный номер, подчёркнутый шариковой ручкой. Рауф нервно наблюдал за ней, потом схватил с полки в коридоре фонарик и принялся обуваться.

– Не смей! – крикнула мать. – Иди к Саиду!

– Я поищу его. Хотя бы около дома...

– Не смей! Иди в комнату! – никогда до этого Рауф не слышал такого гневного окрика от матери, а потому подчинился безропотно.

Трубку взял Юсуф Иманов.

– Юсуф, это Лена... Да, это я... Нет, он только что выбежал из дома. Он минут десять назад с кем-то говорил по телефону, а Рауфу послышалось, что звонивший был какой-то Ибрагим Курбаноглы... Я не знаю, сыну так послышалось. А потом Рауф мне сказал, что он же днём крутился возле нашего дома и высматривал снаружи нашу квартиру... Может и ошибся, может совпадение – я не знаю... Я не слышала сама этот телефонный разговор... Он просто выбежал, сказал, что будет где-то недалеко и что позвонит, если задержится... Я не знаю, Юсуф! Что нам делать?... Хорошо, мы будем ждать дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.